

Людмила Ударцева
Дневник Белой ведьмы

Людмила Владиславовна Ударцева

Дневник Белой Ведьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73567268

SelfPub; 2026

Аннотация

Как выжить не самой умной, ещё не повзрослевшей волшебнице в мире потерявшем магию? Самое простое найти своего героя. Но Пустошь занимает целый континент, найти его оказывается труднее всего. Вчерашняя принцесса, потерявшая всё даже имя, постараться, чтобы никто не принял её за вкусный завтрак, узнает в каменном постаменте печку, уменьшит сапоги топором и найдёт способ пощекотать всем нервы.

Людмила Ударцева

Дневник Белой Ведьмы

Глава 1 Потери и находки или путь в неизвестность на остатках энтузиазма

Начну с того, что я потеряла всё: дом, семью, подруг. Я потеряла даже Путеводную Нить. Это такое заклинание было, его Фалентир, брат Даромира создал. Соединил невидимой, но вполне осязаемой верёвкой два артефакта и сказал, что на другом конце мой ненаглядный Даромир может появиться. Может, но это не точно. И я помчалась вперёд, держась за неё одной рукой, не думая об усталости.

Маршрутом, который выбрал Фалентир, пользовались патрульные – маги Содружества Государств Элинии, в котором я родилась, но, так сказать, не прижилась. Из-за колдовства тёти Анабель я долгое время не росла физически и могла быть только тенью образцовой семьи правителей Исильгарда, четвёртого по влиятельности государства Содружества. Потом так сложилось, что глава самого Содружества был вынужден стать моим мужем. В жизни иногда обстоятельства складываются так, как мы не готовы их принять, а когда понимаем, что это подарок судьбы, оказывается слишком поздно.

Вот и у нас с Даромиром всё получалось ни так, как принято. Он очень сложная натура. Его боятся даже гоблины,

предвечные уважают, а сограждане, несмотря на его пугающую внешность и такой же нрав любят и складывают оды. Для меня он тоже служит идеалом, потому что непревзойдённый мастер магических искусств, а ещё он прошел столько трудностей в жизни, которые всем без исключения покажутся непреодолимыми. Но это тайна, хранимая, за семью печатями. Я его не боялась, даже спорила с ним, в отличие от остальных. Мы оба не вписываемся в рамки, установленные обществом, и оба ценим магию, как величайшее благо.

Даромиру придворные готовы были прощать и высокомерие, и вечную угрюмость и даже нелюбовь к танцам, потому что он герой Элинии и живая легенда. Меня же не обсуждали открыто исключительно из-за его авторитета. Когда мы поженились (если это можно так назвать, потому что я до сих пор не понимаю тонкостей взрослой жизни), он был признанным правителем целого континента, о существовании третьей сильфийской принцессы знали единицы, потому что меня скрывали. Но мы с ним нашли общий язык, можно сказать, поладили. Я помогла ему в противостоянии с Мологом и его аватарами. И кто бы мог подумать, что, когда мир в Содружестве начнёт налаживаться, он всё бросит и меня в том числе.

И вот, я, убоявшись остаться брошенкой, предпочла уйти за своим героем. Кто возьмётся утверждать наверняка, что лучше? Уйти в неизвестность или остаться там, где точно знаешь, как жизнь в отчем доме, рядом с властным отцом

обзовётся?

Мой слегка потемневший, но всё ещё розовый оптимизм подпитывало то, что, оставив трон, Даромир освободил меня от пугающей обязанности тратить жизнь на становление идеальной правительницей под стать любимому герою. Всю свою жизнь я хотела посвятить изучению магических искусств, политика, тем более вышивание крестиком были мне не по нраву.

Однако теперь, насмешкою судьбы, я оказалась на континенте, где природной магии почти нет. Здесь волшебство творить можно только с помощью кристаллов-накопителей или внутренних резервов. Утешает то, что я скоро найду Даромира, а у него внутренний резерв неисчерпаемый, он и будет обеспечивать нам комфорт.

С рассветом заприметив узкую тропинку, совпавшую по направлению с Путеводной Нитью, я довольно быстро передвигалась среди скромной по эльфийским меркам растительности чужой земли под названием Тури. С ношей вещей и деревцем за плечами бежала, радуясь необычайно резко возшедшему на небосклон светилу, когда темнота без предрассветного марева вдруг стала ярким утром. Радовалась до тех пор, пока не поняла, что свет здесь не такой безопасный, как тот, что согревает парк вокруг дворца под магическим пологом. Кожа на лице и шее как-то особенно нагрелась, что поначалу казалось непривычным, а после и вовсе неприятным.

Неприятности грозили не только мне, но и моему волшебному дереву – радоцвету. Ви попыталась закрыть меня от дневного пекла своими веточками, но листики на них, тоже не привыкшие к открытому свету, стали высыхать и сворачиваться. Лучи Гелиоса, едва нашарив наши не знавшие загара организмы, теперь прилипли и от них уже не отставали, жгли что есть мочи.

Я свесила суму на правое предплечье, свободной от Нити рукой достала наволочку, послужившую мне походным узелком, вытряхнула вещи в суму и накинула пустую наволочку на радоцвет. Ви повисла на плече, совсем варёная, цепляясь за меня всего несколькими сяжками. Я поправила поклажу и побежала дальше. У меня не было ни малейшего представления о том, что кроме камней-накопителей Фалентир положил в рюкзак (так он заплечную суму назвал). И я не стала подыскивать в нём что-нибудь себе, одной свободной от Нити рукой, хотя щёки пылали, подогретые сразу с двух сторон. С меня сошло уже несколько потов, кровь, разогретая длительным бегом, почему-то выбрала несчастные щёки и нос, отправляя лишнее тепло тела именно туда.

Когда закололо в боку, сбавила скорость, перешла на шаг, дважды останавливалась, чтобы наклониться вперёд, присесть на корточки, так как ноги, обычно носившие меня не дальше библиотеки, стали заплетаться. А когда от усталости они и вовсе начали терять чувствительность (одна подвернулась, и чуть не вывихнулась в щиколотке), я была вынуждена

немного передохнуть. Я присела на пригорок и, не выпуская из правой руки направляющее заклинание, пристала к Ви с вопросами о её самочувствии.

Ви не реагировала. Успокаивало то, что её ростки, прикрепленные к вороту моего платья, держались надёжно. Я понадеялась, что она бережёт силы и, последовав её примеру, какое-то время просто шла. Пока опять, в воображении представив нашу с Даромиром скорую встречу, не понеслась, что есть сил вперёд, нагоняя потерянные минуты.

Нить пропала неожиданно, наверное, я не сразу это обнаружила, продолжала бежать по тропинке, пока рука не опустилась, начиная свободные движения в такт бегу. Пошевелив пальцами, поняла, что в них пусто и остановилась. Нити больше не было.

Повела руками вверх-вниз до самой земли, пошарила под ногами. Фалентир предупреждал, что если Нить отпустить, то потом не найдёшь, но я её не отпускала. Точно знаю, она была зажата в ладони, и вот кулак оказался пуст. Я умела окрашивать магические потоки, как это делал ректор данзиранской академии, умела находить магические следы, не хуже следопыта. Но истратив часть внутреннего резерва на такие редкие для женской образованности умения, лишь убедилась, что Нить пропала без следа.

Легче было списать неудачу в поисках на недостаточность старания, чем поверить, что ориентир окончательно пропал по какой-то другой причине. Я действительно использовала

собственный источник магии впервые, и что-то могло пойти не так. Фалентир же, связываясь с артефактом на кордоне, создал своё заклинание на линиях природной силы. Заклинание не могло подвести ещё и потому, что на другом конце Нити был кордон, где возможно появиться Даромир. Фалентир упомянул, как нам важно именно там не разминуться.

С упорством гнома, забытого в шахте, ползала кругами во все стороны, шарила руками, тратила резерв на поисковые заклинания. Когда вспоминала, что время уходит, а тропинка, по которой я двигалась, вроде как, тоже с нужным направлением совпадала, задумалась и, прикусив нижнюю губу, остановилась. Но ничего лучше не придумала, чем в новом приливе оптимизма зацепить прежний надёжный ориентир, снова стала прыгать, задрав голову и руки вверх. И только после неудачного прыжка, прокусив губу и саданувшись пяткой в тонкой туфле о камень, я с трудом подавила желание сесть, разрыдаться, и, горько вздохнув, похромала по тропинке.

Сил как-то сразу поубавилось, вероятности, что успею прибежать на место раньше, чем обряд Отчуждения перенесёт туда Даромира тоже почти не осталось. Оставалось упорство, желание идти вперёд, страх перед ночью среди камней и непривычно тонких стволов деревьев. Я ведь даже одета была в простое платье и домашние туфли, боялась себя выдать камеристке, и не переоделась для побега из дворца.

Некстати появились мысли о хищниках, о которых не

успел предупредить Фалентир. Представила, как один из них, самый, наверное, «культурный», сожрав мою печень, вместо салфетки вытрет морду неп прочитанным письмом, тем самым в котором Фалентир, возможно, упомянул о способах избежать опасных встреч.

Притронулась к письму, спрятанному за корсажем платья. «Нет. И сейчас читать не стану!» – С жуткими картинками вероятного будущего в голове и желанием иметь способности совы оглядывать все стороны одним движением той самой части тела, где рождается воображаемая жуть, я ози-ралась по сторонам и брела куда-то, полагаясь только на вытопанную траву под ногами. Как вдруг этот ориентир, как назло, взял, да и раздвоился.

Я встала колом на развилке, не информативным таким, дубовым колом, на котором, как на этой развилке, ни одного указателя направления не повесили.

– Да, чтоб тебя! – пожелала я своей удаче, пока, ещё сдерживаясь от употребления запрещенной для дамы высокого положения лексики.

Несмотря на то, что Гелиос щедро делился лучами с моим лицом, меня бросило в холод. Щёки же не просто продолжали пылать, они горели внутренним пожаром. Залить по обыкновению, всё вокруг себя горячими слезами помещало болезненное пощипывание от слёз, оросивших первыми каплями опалённое лучами лицо. Боль заставила вчерашнюю королеву утереться подолом платья и перейти от вдох-

новляющей удачи свершившегося побега к новой реальности, о которой раньше не хотелось не только слушать, но и думать. Папа Лавилий пытался меня переубедить, Фалентир советовал хотя бы подождать с опрометчивыми решениями. Я же боялась, что из родительского дома, куда Фалентир тайком не пробраться, мне будет не убежать. А кроме Фалентира никто бы не помог. Я сама настояла на переходе примерно в одно время с ритуалом Отчуждения, который перенесёт Даромира в Пустошь без права на возвращение. Даромир не сможет вернуться в Элинию, мне же Фалентир такую возможность оставил. Так что нечего сырость разводить. А если плакать, то на ходу, когда опалённую кожу обдувает вдруг притихший, словно в ожидании моего решения, дувший до этого в лицо, ветер.

Тропинка, уходящая вправо, казалась более утоптанной. Её я и выбрала. В утешение вслух пообещала, что, если не найду кордон, обязательно всю ночь не дам себя сожрать, вернусь до развилки завтра утром и тогда уже выберу левую тропку.

Возможности самозащиты были ограниченными, мой внутренний резерв был небольшим. Восстановиться в нём могла лишь магия драконов и, наверное, та редкая, перламутровая энергия, благодаря наличию которой я иногда копировала чужое волшебство. На заклинания поиска я потратила многое, шар и огненные обручи, брошенные в меня ящеркой в том числе. Остались нерастраченными лишь

несколько магических вещей, перенесённых в резерв во время упражнений. И как бы я не хотела их сберечь, ближе к вечеру пришлось ещё раз потратить силы из внутреннего источника. Из-за появившихся кровососущих насекомых идти становилось невыносимо, они кружили надо мной пищащим облаком и нещадно кусали многострадальные щёки и нос. Сначала думала обойтись вспышкой драконьего огня, но сгоревшие в его пламени насекомые сразу восполнились новобранцами, непременно выбиравшими моё манящее жаром лицо.

И когда я, справившись с заклинанием, уже произносила слова благодарности учителю по бытовой магии, познакомившему нас, шутки ради, с ненужным в Исильгарде заклинанием «От гнуса», среди редких деревьев заметила серое зеркало небольшого пруда, расположившегося в каменистой низине между холмами. Подошла к нему, огляделась вокруг. Домика поблизости не было, зато нашлась табличка с предельно понятным запретом «Не пить!». Несмотря на жажду, я ликовала, читая под схематичным рисунком короткую надпись на элийском (на одном из самых распространённых языков современности).

Ви, получив толику радости, зашевелилась. Не придерживаясь ветками, она так быстро сползала вниз, что я едва успела её подхватить. Положив измученный радощет в тень, прошлась вдоль берега и заглянула вверх по ущелью, куда вводила знакомая тропа. Подумала, что возможно, дома не

видно из-за холма. Прошла вперёд, осмотрелась ещё раз и вернулась, ничего не обнаружив даже в том месте, где тропинка странным образом обрывалась.

– Ви, что ты делаешь?! – пока я искала признаки кордона, моя зелёная ползла к водоёму, и прямо сейчас макала крону в воду, оставляя сухим то, что было ближе к её любимым юбкам. Модница не могла ими пожертвовать, а пить хотелось, вот и придумала новый способ водичкой напиться.

Помня содержание надписи, стремглав помчалась назад, выдернула радочек из воды и ахнула. Её листики, опалённые дневным светом, теперь и вовсе почернели.

Подцепив наволочку, я принялась вытирать воду с висящего кроной вниз радочка. Она испуганно притихла, обмотавшись корешками вокруг моего запястья и глядя на свои веточки круглыми глазищами. К нашей радости, как только я обтёрла листву, к ней вернулся зелёный цвет, только несколько самых обгоревших листочков остались тёмными и безжизненно повисли.

– И корешка от земли не отрывай! – я погрозила ей пальцем, когда она попыталась выбраться из тени и пойти за мной. – Я магичить буду, а ты сиди и не мешай.

Сама всегда была непоседой, ещё в раннем детстве отлично научилась развеивать магию после шалостей и всегда проверяла не оставила ли следов заклинаний, скопированных у не замечавших меня взрослых. В отличие от них я была крайне наблюдательна. Поэтому развешенные новень-

кой служанкой заклинания привлекли моё внимание одной из первых. Служанка считывала охранные плетения с маминых подруг, а после подчищала следы своей магии. Сразу два новых умения в мою копилку магических способностей. Но, несмотря на все её старания, даже без моего участия охочую до чужих украшений служанку быстро раскрыли. Побрякушки вернули дамам, а я незаметная чужому глазу получила ещё одно заклинание. Именно тогда узнала, как маги-следопыты создают формулу поиска, которую использовала сегодня. Я страдала от невнимания всё детство, не подозревая, что меня не замечают из-за маминой любви. Думала, что все беды от гномьего роста, а на мне было плетение Незаметности, брошенное мамой, под влиянием Сицилины Итишен Дин Кавани, женщины, чьё имя боялись упоминать, женщины, которую я называла Моя Лиси. Теперь этой реликтовой магической редкости на мне уже нет. Магия Даромира разом сняла с меня все заклинания, хотя допускаю, что на материке Тури, населённом переродками разного происхождения, Незаметность пригодилась бы мне, как никогда раньше. Хотя она бы здесь тоже исчезла. Я находилась на краю самой большой магической пустыни нашего мира, а сильфийское заклинание без подпитки магии воздуха теряет силу.

Не глядя, потратила что-то из внутренней энергии, чтобы вновь сделать заклинание поиска магического следа, и присмотрелась к тропинке. Магией здесь не пользовались, а если и пользовались, то очень давно, и её остатки уже развея-

лись. Послала ещё один импульс силы в сторону коварного пруда, подкрасившего мою Ви. Пруд, кроме своей ядовитости, таил в себе ещё одну загадку – магическую составляющую. Не может быть! А я думала, что природной магии тут нет. Новый всплеск поискового заклинания обнаружил жгут силы в два пальца толщенной, тянувшийся от водоёма вверх по ущелью.

Я подхватила рюкзак, другой рукой подняла Ви. Всё это время она терпеливо ждала сочувствия, и теперь прижавшись ко мне, заколыхалась, выражая своё состояние в узнаваемых конвульсиях, подразумевая под ними горькие рыдания.

– Золотинушка моя, новые листочки обязательно скоро вырастут, – я потёрлась головой о её оголившуюся веточку. – Главное, что ты эту воду не пила. Видишь, нашлась польза и от того, что ты юбки носишь, – утешала её вслух, а про себя думала, хоть в наволочку эту непоседу вшивай, всё равно полностью не обезопасишь.

Свернула с тропинки и пошла за линией силы, тянувшейся от пруда. Как раз, за горкой, очередное заклинание обнаружило защитный купол, который простирался до брошенной мной тропинки. Я окрасила купол методом ректора и начала читать заклинания повешенные на нём: Пелена Невидимости, Полог Тишины, Кошачий Запах, защита от гнуса, похожая на уже известную мне, и простое требование единства. Все формулы были мне знакомы. Только удосто-

верившись, что нет дополнительных ловушек и поражающей защиты, произнесла клятвенную формулировку заклинания единства (известную каждому эльфу можно сказать с пелёнок), подпитывая её своей магией. Шагнула под купол и увидела скрытый под ним бревенчатый дом с крыльцом, увешанным букетами сухих веток и травы, перевёрнутыми вниз макушками. Сбоку от дома маленькое строение из досок, за ним избушка и ещё несколько непонятных сооружений рядом.

Убрав следы своей магии, с радоцветом в одной руке и сумой на плече я побежала к дому. Свободной рукой, дрожащей от волнения, потянулась, чтобы открыть засов без замка. На этом действии до меня дошло, что засов наружный. Значит, дом пуст. Либо я опоздала, и Даромир ушел, либо он вопреки предположениям брата выбрал другой кордон. Мы с ним не встретились.

Торопливость прошла, руки и плечи опустились. Ви схватилась сяжками за рукав и висела без поддержки, сума свалилась под ноги. Мечты найти Даромира и больше с ним никогда не расставаться ещё теплились во мне. Однако осознание реальности уже сменило надрывные нотки волнения в ожидании встречи на тихое уныние, которым был пропитан оставленный эльфами кордон с островком защитного волшебства вокруг него.

Слёз не было, было такое состояние, когда сбывается горячее желание добиться своего, а результат не тот. Железная

правда жизни с горьковатым привкусом, а винить-то неко-го. Надеялась, что мы сразу встретимся, а получилось так, что Даромир даже не знает, что я ушла за ним. Мне предстоит столкнуться с полной неизвестностью турийской земли, и обнадеживает только то, что я нашла кордон. Есть место, где можно дожидаться помощи. Скоро вернётся патруль, они помогут найти Даромира. Наверное, всё ни так уж и плохо.

Внутри дома было темно, уличный свет не успел проникнуть сквозь проём двери, сумрак едва начавшегося вечера перешел в ночь, пока я на крыльце переживала первое понимание того, что на пути к светлой цели поддерживать мужа в бессрочной ссылке может нахлынуть осознание провала в самом начале пути. Как-то это неправильно. Нужно придумать новый план, новый путь к отдалившейся цели и жизнь снова наполнится смыслом, вернуться силы двигаться вперёд.

Я вошла и закрыла за собой дверь. Ночь осталась за ней, но страх уже просочился внутрь, едва я убедилась, что Даромира нет, и защищать меня от ночных монстров будет только этот тихий дом с засовами с обеих сторон двери. Когда подбегала к нему, успела заметить, что оконные проёмы прикрыты плотными, деревянными щитами, теперь оценила и это. Пусть темно днём – за то спокойней ночью.

Зажгла светлячок, используя запас драконьего огня. Он осветил большую комнату с двумя придвинутыми к противоположным стенам столами. Один был привычного разме-

ра, другой массивней и выше. Лавки и табуреты разного размера и по трём их сторонам тоже наводили на мысль, что патруль пока ещё не сдружился и не сажился дружно за один стол. Справа за большим столом обедали гоблины, слева эльфы. Шкафы рядом со столами высотой от пола до потолка были закрытыми, а на третьей стене много открытых полок, заставленных разными вещами и незнакомыми приборами. Дальше дверь и ещё одна комната с четырьмя кроватями, уместившими в два яруса восемь спальных мест. В комнатах было чисто, только вещи остались ждать хозяев, как бывает, если дом ненадолго покидают, и всё оставляют, собираясь вскоре вернуться. У дальней стены спальни обнаружилось сооружение с тремя створками, похожее на допотопный гардероб, а между комнатами постамент из камня, уходящий в потолок. Никаких табличек на обелиск не прикрепили. То есть, кому или чему посвящён сей невзрачный памятник не стоило и гадать.

Я опустила Ви на пол. Непоседа, против обыкновения, растелилась корнями и ветками у моих ног с мольбой во взгляде. Пришлось снова подхватить её на руки и отнести к ближайшей кровати. Бедняжка сразу вытянулась и затихла, прикрыв глаза. Её нужно было напоить. Я догадалась начать поиски питья с сумки, подаренной деверем. Там точно были две мои конфетки, если найду попить, на сегодня уже совсем не плохо.

Оказалось, что Фалентир подумал о наших потребностях

ни в пример лучше меня, захватившей с собой в путешествие, кроме белья и пледа, две конфеты и три тетради. В прозрачной бутылке из странного, не звякающего стекла (когда вытаскивала первую, задела остальные, на моё счастье все три, издав непривычно тихий стук, не разбились) была вода, а ещё две были, по-видимому, с соком. Бутылки с цветными, украшенными камнями-накопителями донышками, стояли в котелке с толстыми стенками, там же имелась записка с заголовком «Материализатор каши». Дальше шло описание-инструкция, какую кашу он делает и как его активировать с помощью заклинания и магического накопителя. Конфет и печений деверь положил по внушительному пакету, а также две буханки ароматного хлеба, обёрнутые не простой, даже на первый взгляд, бумагой, исписанной формулами заклинаний. В животе заурчало, что заставило меня оставить изучение формул на сытый желудок.

Открыв шкаф за столом поменьше, нашла посуду, выбрала самую глубокую чашку, налила в неё воды и вернулась к Ви.

Попить водички моя страдалица поднялась сама и, выпрыгивая из всех юбок сразу, уселась в предложенную чашку. Вслух обещая нам обоим немало приятных минут за ужином, я взяла чашку с Ви, перенесла на лавку, поставила рядом с собой и приступила к выполнению только что озвученного обещания.

После того, как мои приятные от ужина эмоции напитали

радоцвет и она вдоволь наплескалась в чашке, я подновила заклинания, оберегающие её корни, и поняла насколько тоже вымоталась. Проверив внутренний засов на двери, убедилась, что он полностью задвинут, и, едва дойдя до первой кровати, плюхнулась на живот рядом с Ви, развеяла заклинание Светлячок и сразу уснула.

Отоспалась на славу. Когда, проснувшись, вышла из дома, тени уже были короткие, дневные. Лучи Гелиоса прямо у крыльца накинудись на мой обгоревший нос. Снова нашла спасение в доме, теперь уже от дневного света, оставила хищные лучи за дверь, зажгла светляка и не без волнения начала поиски зеркала.

Могла бы направить лечебное заклинание по зрительному образу из воспоминаний о себе, но в голове возник образ белокурой красавицы, танцующей провокационную партию тритемпуса. Сотвори я недоученную магию по такому представлению о себе и результат получится самый непредсказуемый. Теорию наложения подобных заклинаний я толком не знала. Прослушала в Данзиранской академии три лекции по энтелехии естественного тела, а до практических занятий не доучилась. Меня гоблины украли. Даромир потом спас, но в Данзиран больше не отпустил.

Жаль, что его здесь нет. Он бы одним движением руки снял боль. Или не одним? За ним не уследить, когда он умеет двигаться, обгоняя время. А вот и зеркало. Из квадрата правды на меня смотрело краснокожее нечто с паклей спу-

танных, потерявших всякий блеск белых волос. И как сильфида, порхавшая по залам королевского дворца, как бабочка, смогла всего за один день растерять всю свою прекрасную внешность до состояния гнезда на голове и красной рожицы под ним? Сразу и не сообразить, что здесь можно исправить, к тому же, когда не знаешь способа. Воспроизвела увиденную раз жестикуляцию и волну заклинания, применяемого дворцовым лекарем по моему возвращению из паломничества к Духу Огня, когда лицо у меня немного обветрило, и кожа пересохла. Именно воспроизвела всё, как увидела – сам эффект, без всякой теории. Моим скрытым талантом была подражательная магия – очень редкая способность, называемая метамгией, из-за которой со мной случались самые невероятные истории. Благодаря метамгии я осталась жива, хотя должна была умереть ещё при рождении. Потом, к сожалению, я почти не росла и совсем не выросла, но богиня Иштар соединила меня крепкими узами с мужчиной, хотя ритуал проводился не со мной, и тогда я выздоровела за одну ночь. Потом Дух Огня признал меня, хотя я не была драконом по рождению. А ещё метамгия считалась очень ценной, и даже почитаемые народами Элинии предвечные не упускали шанса завладеть этим магическим преимуществом в достижении божественного Абсолюта.

Дополненное силой моего уникального дара заклинание-самodelка заметно увлажнило кожу. Жжение немного уменьшилось, хотя сгоревшему лицу это помогло не сильно,

и отражение в зеркале не изменилось. Даромир залечивал мне ранки на губах, но он так быстро магичит. Своё заклинание он активировал по готовому шаблону. Попробуй воспроизвести то, что не успеваешь рассмотреть и прочувствовать или рискни это повторить на одном желании иметь загаданный результат. Метамагия так не работает. Она помогает, но образец должен быть в какой-то степени доступен моим ощущениям. Вот и выходило, что краснокожесть убрать мне было нечем.

Сегодня мной можно было пугать приведения, копившиеся толпами в древних эльфийских замках. Я ухмыльнулась тому невесёлому факту, что в худшую сторону жизнь меняется быстро и без всякого волшебства. Чтобы соответствовать образу королевы во дворце мне пришлось бы терпеть вмешательство полдюжины волшебниц: портних, мастериц макияжа, бровей и волос, а превратиться в чудище с красной мордой смогла без чудес, просто подставив Гелиосу лицо с безупречной ещё вчера кожей. Возможно, нормальной красавице следовало бы ужаснуться переменам, но, видимо, я в красавицах была недостаточно долго. Всего-то год прошел с тех пор, как Иштар освободила меня от заклинания родной тётки, паразитировавшей на силе жизни магически одарённого ребёнка. А потому внутренняя трагедия вокруг сгоревшего лица не разразилась. Я поступила так, как раньше, до встречи с Даромиром: не видеть – не думать! Изменений в Пустоши, где нет струй магической силы, не избежать. Про-

сто изнеженная кожа пострадала первой, а то ли ещё будет. Пригладила руками светлые пряди у висков, те самые, что быстро забыли, как всю жизнь лежали идеально ухоженными локонами, скрутила их вместе с растрёпанной косой в узел и закрепила одной прядью, используя её как завязку.

Небольшое зеркало без рамы имело дырку размером с приличный боб под верхним краем, благодаря чему и удерживалось гвоздём на стене. Сильфиды от природы миниатюрны, а я ростом меньше своих сестёр, чтобы достать до зеркала встала на табуретку. Обречённо вздохнув, развернула зеркало, повесив отражающей поверхностью к дереву, прыгнула вниз и отнесла табуретку назад к столу. Жила всё детство без зеркал и дальше проживу.

Благодаря моей неунываемости, подкреплённой вкусным печеньем Фалентира, Ви уже получила от меня достаточно радости, чтобы вернуться к обычному уровню вредности и начала мусорить. Я погрозила ей пальцем, и показала на подставленное пустое ведёрко, но она продолжила отбрасывать завядшие листочки прямо на пол, перед этим придиричиво осматривая каждый.

«Ну, раз так, то посиди-ка ты немного в темноте!» — с воспитательной беседой можно было не напрягаться. Ругать её бесполезно, убеждать никаких сил не хватит, а они мне понадобятся, чтобы не сдаться сразу, как обнаружила, что на кордоне Даромира нет. Затушив светлячка, я оставила Ви в темноте и одиночестве, а сама вышла из дома, чтобы изучить

механизм щитов, прикрывающих окна. Оказалось, что магическая защита на них была не сложнее механической. Доступ к защитному заклинанию получила Ключом Гоблинов, деактивировала его, а дальше всего-то и оставалось, повернуть небольшую щепку с гвоздём посередине. Щиты на окне распахнулись, как створки ракушки, и свет проник в дом. Открыла только одно окно в первой комнате, понимая, что вечером его вновь придётся закрывать, иначе я буду смотреть в него всю ночь, ожидая внезапного нападения каких-нибудь инертных к защитным чарам монстров.

В доме стало достаточно светло, чтобы, не только заметить у порога погрустневшую вредину, подхватить её на руки, прижать к себе, но, как сказал Фалентир, обжиться и ждать. А что ещё он хотел мне сказать, я узнала из письма:

«Ваше Величество Королева Эвиладель», – список советов начинался с официального обращения, которое вежливый деверь использовал в письме, когда меня ещё можно было так называть.

«Я несколько раз побывал в Пустоши, поэтому у меня остались правила выживания, разработанные для патрульных. Думаю, они в достаточной мере убедят Вас сидеть на месте и носа из избушки не высовывать» – к письму прилагались два листа печатного текста с множеством пунктов. Я оставила их изучение на потом и вернулась к письму:

«Уже сейчас мне кажется, что я буду вечно корить себя за то, что пошел на такой огромный риск, отправляя Вас од-

ну на кордон. По пути следования от порталов до водоёма установлены Пугалки (артефакты отпугивающие всё живое), поэтому там относительно безопасно. В рюкзаке во внутреннем кармане найдёте перстни, приглушающие действие этих артефактов, чтобы приближаясь к защитному куполу вы не испытали желание держаться от тропы и кордона подальше, (положил два на случай, если всё же уговорю Вас взять с собой служанку).

Что касается остальных территорий, то студенты ходили туда только в сопровождении боевых магов. У меня было большое желание послать с вами охрану, но скажу, как есть: не преувеличивая влияние моего брата на его подданных, я не смог бы найти ни одного мага, который бы сразу же не рассказал Даромиру о моей просьбе сопровождать королеву в Пустошь.

Как Вы помните, у Дамириаса сейчас очень ответственный период жизни, а я так сильно запустил своего сына, что в преддверии скорых школьных экзаменов ему необходима моя непосредственная помощь не столько советом, сколько простой поддержкой, а если придётся и строгостью. И с последним точно никто кроме меня не справится. Данные обстоятельства не позволили мне остаться с вами, поэтому надеюсь, что эти несколько дней до моего возвращения Вы будете очень осторожны. Патрульным покажите записку, которую я положил в конверт вместе с письмом. Уверен, что они примут Вас и без неё, но в ней гарантия вашей неприкосно-

венности, подкреплённая моей клятвой, чтобы никто не сомневался в вашем статусе жены Даромира.

Если серьёзно, на благоразумие в вашем возрасте я полагаюсь слабо, поэтому постараюсь в своём письме напугать Вас обитателями Тури, чтобы описание существ, нашедших там приют, полностью отбило всякое желание к самостоятельным поискам Даромира.

Первые в списке толокоши – существа не способные совладать с жадой насытиться чужой магией. В древние времена выпили сотни магов-искателей. В настоящий момент все толокоши Эльфирина сосланы в изгнание, за исключением нескольких особей, находящихся под строгим контролем. Только в Ирыванском княжестве их разрешено воспроизводить, как реликтовых фури. То, что видят толокоши, лекари Ирывани считают с их разума, а готовый диагноз записывают на кристаллы. Толокоши не умеют говорить, за то о магии знают ни в пример больше всех, даже нас эльфов. Когда кормились ею, могли высасывать определённый дар, к которому имели предпочтение. Природная магия им вредна, они поглощают силы внутреннего источника мага и способны видеть магических существ насквозь.

Угроза номер два: так называемые ИППИ (Интеркуррентные Поселения Первых Изгоев). Изгои колдуют по наитию, без всяких правил, так как прежние навыки почти утеряны вместе со стёртыми воспоминаниями. Как самоучки не имеют принципов, стремятся обогатиться магией, чтобы про-

длить годы жизни. Их убежищами стали крутые горные выступы, расположенные близ редких магических источников. Объединяются по временным интересам, охотятся на магов и нон-фейри, потом враждуют, без раздумий забирают чужую жизнь и силу. Об их жестокости можно написать десятки страниц, но не буду, добавлю только одно – в их поселениях живут рабы.

Дикие кентавры по жестокости не многим отличаются от магов, разве что кровожадностью, которая у кентавров проявляется в большей степени из-за голода, возникающего зимой вместе с их склонностью к каннибализму. Как Вы поняли, эти лошадки уже далеко не травоядны, владеют приёмами боевой магии, пусть и на уровне инстинктов.

Далее всевозможные представители опасных фури, приспособленных находить магию. Они её буквально чувствуют на расстоянии, а все изгои, перечисленные выше, всего лишь потенциальные жертвы местных фури, даже кентавры.

Несколько слов о переродках – потомках магических существ, выживающих благодаря невероятной физической силе. Магические способности отсутствуют, как и чувствительность к магическому воздействию. С переродком, встреченным мной лично, не справилось ни одно известное мне поражающее заклинание. Спас Даромир, точнее открытый им портал. Правило одно – избегать территорий, где они встречаются. И не вздумайте подражать открытию портала, если не решили погибнуть именно таким образом. Опыты с пор-

талами забрали больше жизней, чем все другие эксперименты с магическими заклинаниями.

Теперь, конечно же, напишу о людях Тури – эти суеверные нонфейри спасаются за толстыми стенами и под землёй, как огня боятся любого магического проявления, хотя их технологии не лишены колдовства. От предков унаследовавшие ненависть к ИППИ, культивируют её и передают в устных и письменных преданиях. Маги их враги, захватчики и грабители. Первый закон человека: увидел мага – убей. Убивать они умеют и любят, используют своё главное оружие – интеллект. Даромир попытался их немного укротить, добавив к защитной магии городов несколько собственных условий, и теперь мы не устаём удивляться тому, как хитроумно они обходят его запреты.

Но не менее опасны твари – нематериальные, злобные сущности, охочие до живого тепла и подселяющиеся в сознание жертвы, сводящие с ума. Их Вы не встречали ни в одной из прочитанных вами сказок. У тварей Тури появились свои переродки – водоёмы-убийцы. Например, тот, что Вы увидите к вечеру первого дня. Заряжаются любой энергией, в основном лучами Гелиоса. Высасывают из живого существа всё вплоть до последнего химического элемента. Один из зингвормов когда-то испил из водоёма близ кордона и теперь только отпугивающие артефакты, установленные вокруг этой территории, отделяют змея, пленённого неутолимой жадой Виэ-Ратти (как называются водные ловушки

на вуиверском), от гибели.

Будьте дважды осторожны, не пейте, что попало, и не забывайте о зубастом драконе, который всегда где-то поблизости. Как Вы поняли сама природа здесь жаждет потерянной ею магии и заберёт её у Вас не стесняясь.

Если Вас не впечатлил перечень вышеизложенных опасностей, предлагаю почесть про климат.

На севере материка лютуют морозы. Если окажетесь там, столкнётесь с новой опасностью – обморожениями. Это когда конечности замерзают за считанные часы, а потом, если даже вернуться в тепло, начинается болевой шок, ноги и руки белеют, ближе к туловищу краснеют, в конечном итоге синеют, чернеют и вызывают общее заражение крови. Хотелось написать «отваливаются», чтобы прозвучало ужасней, но нет, они останутся при вас, и будут гнить, пока вы не умрёте.

Зима длится большую часть года, в другой части континента снег вообще не тает, но там Вам и вовсе делать нечего, там не живут даже твари.

Ждите меня на кордоне и носа наружу не высовывайте. Изучайте инструкции, и время пролетит незаметно.

До скорой встречи

С искренним желанием помочь

Фалентир

P.S.

Отец сказал, Вы хотели шубу. Уже заказал, скоро сошьют,

принесу её с собой».

Дочитав до конца, вернула письмо в конверт и вздохнула. В письме отсутствовала важная информация о том, как найти уборную в доме, где только две комнаты и ни одну из них умывальней или уборной не назовёшь. Первые мысли внушали категоричное: «Нет! Не буду я, как животные ходить в кустики!»... Ещё через час, ёрзая на стуле, подумала: «А почему бы и нет?»

Выйдя из дома, огляделась прицельно, как лучник, перед выстрелом. Глаз цеплялся не только за кусты, поэтому нужную надпись с очевидным рисунком не пропустила. Искомый объектом оказалось дощатое строение, повернутое дверью с табличкой к дому, благодаря чему кусты вокруг кордона до сих пор оставались никем не посрамлёнными.

Санузел на кордоне был самый, что ни на есть, отдельный – подобия прежних удобств нашлись во дворе: вышеупомянутый домик из досок с дыркой в полу, неподалёку маленькая избушка с лавками, на которых стояли два таза, ведра и букет из веток, один из тех, что висели под навесом крыльца. Поискала инструкцию или указатели и не нашла, что было странно. Выходило, что варить кашу в материализаторе патрульные или студенты имели право не уметь, а вот как в пустом тазике в этой избе букетом веток мыться знал каждый.

Питьевая вода непредсказуемым образом обнаружилась там же во дворе. Бревна, как палочки настольной игры для великанов торчали из земли, словно один из игроков, не дав

упасть башне, ударил по ней кулаком, чем и закончил игру, вбив её в землю. А потом сбоку на деревянной табличке накарябали: «Питьевая вода». «Накарябали» – это не потому, что неаккуратно вырезали. Обнаруженные во дворе надписи были сделаны на гоблинском, а их шестнадцать букв консонантного алфавита называются карябушками. Рядом с табличкой стояло ведро с цепью (пустое!). Пройдясь вокруг квадрата из брёвен, я поняла, что он закрыт досками по тому же принципу, что и окна. Сняв запирающее заклинание, повернула вертушку и откинула деревянные щиты. Вода была внизу, а доставать её, видимо, предлагалось ведром с тяжелой цепью. Крутить изогнутый рычаг и наматывать цепь на специальное бревно догадалась ни сразу, и даже ни в первый день. Сначала осторожно опускала ведро, удерживая за цепь, потом, что есть силы, тянула вверх, перебирая цепь руками. Понятное дело, что без заклинания у меня бы подобную тяжесть вытянуть не получилось.

Перед тем, как расходовать магию, нагреть воды и освежиться, я вернулась в дом, чтобы подкрепиться. Материализовывать кашу не насмелилась, оставила этот способ прокормиться на потом. Хлеб был по-прежнему прекрасен, мало того, булка, завёрнутая на ночь в заколдованную бумагу, вновь стала целой, несмотря на то, что вчера я отщипнула её хлебный бок. И соки пришлись по вкусу, яблочный и малиновый. Вместе с водой три невыпиваемые бутылки внушали полную уверенность в том, что, меняя в них накопители,

я, когда буду умирать... буду умирать ни от жажды. На более благополучный исход моего приключения без Даромира можно было не рассчитывать. С мыслями о грустной реальности я дожевала кусочек хлеба и запив его малиновым соком, пошла к избе-купальне.

Ополоснулась едва теплой водичкой, с головой завернулась в одну из найденных на полке гардероба простыней и поспешила спрятаться в доме. Это вчера, когда я к кордону долго добиралась пешим ходом, принимала дневное тепло за полноценное лето, а когда вышла во двор мокрая, почувствовала всё коварство Гелиоса, который светил, но греть не разогретое изнутри кровью тельце не торопился. А ещё ветер. Меня охлаждали настоящие, нерукотворные воздушные вихри, которые пробрались под тонкую простынь раньше, чем я добежала до крыльца.

Гораздо проще дело обстояло с выбором одежды, которую я нашла в гардеробе. Хоть она и была совершенно некрасивой на первый, второй и все последующие взгляды, но надевать что-то из принесённых с собой многочисленных вещей я не стала. Приберегла их на то время, когда найду Даромира и принаряжусь хоть немного (я даже захватила с собой пару облегающих штучек, которые он провокациями назвал). А пока можно было ходить в больших, мужских штанах и рубахе из грубой ткани, обрезав их по своему росту.

Приодетая в просторную (раз в пять просторнее, чем мои

размеры), мужскую рубашу длиной до колен, для удобства, вместо пояса, перевязанную куском оторванным от простыни, начала обзор хозяйства, принадлежавшего патрульным. Нашла мясные и молочные продукты в волшебном, морозильном ларе, достаточно большие запасы продуктов в шкафу, большинство которых показались не нужными. Если яйца я посчитала съедобными, их можно было поджарить или сильно нагреть в воде – то желания скушать гоблинские деликатесы (кусочек мяса или горсть насекомых, в их свежемороженом состоянии или сваренных) у меня и под страхом голодного обморока не появятся. Получалось, что насытиться я смогла только припасами заботливого Фалентира, так как готовить не умела совсем. Единственный кулинарный опыт сводился к выдавливанию готового теста для зефира на противень в домике родителей Даромира. Несмотря на то, что все упаковки с продуктами на кордоне сопровождались этикетками со знакомыми названиями, невкусный порошок с названием «мука» сложить вместе с «сахаром» так, чтобы получился торт, я не умела.

Магия источника питала все активные приборы, но их назначения мне ещё предстояло изучить. Пока же ознакомилась с инструкциями к морозильному сундуку, чтобы продукты долго не портились и каменному постаменту между комнатами с непримечательной скульптурой прямоугольной формы, подпирающей потолок. Вчера я окрестила его памятником студенческой отваге, потому что моя собственная

смелость почилла сразу после исчезновения Путеводной Нити. Сегодня я узнала, что этот постамент – печка. О печке я читала в сказках. Сказочная печка служила для обогрева дома, а ещё на ней спали и даже ездили в столицу. Гоблинский вариант печи был без спального места. По инструкции её предлагалось «растопить», когда будет холодно и магические нагреватели перестанут справляться. Это, пожалуй, была самая трудная инструкция, из тех что мне попадались на глаза. Растопить до этого я умела нежные сливки в горячем напитке и масло в каше. Мало того, что опять пришлось читать на гоблинском, так ещё вдобавок к неразборчивым символам никаких тебе заклинаний – таскай дрова, бросай дрова, разжигай.

Там же было накарябано, когда эта печь была сложена, и, хотя, как её складывали (вчетверо или пополам), не уточнялось, гарантия исправной работы распространялась на семь лет вперед.

Внутренний резерв закончился на третий день, на четвёртый пришлось отказаться от тёплых омовений, потому что огонь драконов восстанавливался медленней, чем я его тратила.

Через неделю я перестала избегать экспериментов с незнакомым оборудованием. На энергии накопителя сварила кашу в котелке, отыскала среди вещей магический водонагреватель для чая, кастрюлю для жидких блюд с теми же свойствами, а также попробовала дровами согреть избу-ку-

пальню, инструкций к которой так и не нашлось. Но печь в главном доме наводила на мысли о схожести приспособлений. Принесла поленьев по тоньше, из тех, что рядами были сложены неподалёку, истратив толику драконьего огня на их воспламенение, получила не только тёплую комнатку, но и горячую воду, которую обнаружила в резервуаре сверху на печи. Оказывается, можно было мыться теплой водой практически без магических затрат.

Глава 2

Сделай и жалей испорченное, не делай и жалей упущенное

Через две недели меня уже не радовали ни тёплая вода, ни горячая каша. Фалентир не объявился, так же как не вернулся патруль, не посылались практиканты для изучения опасных опытов с магией в антимагическом пространстве. В Элинии произошло что-то из ряда вон выходящее, то чего мой деверь не смог предугадать. Я тревожилась за них, начала жалеть, что не осталась, представляя, невероятные бедствия, обрушившиеся на Эльфирин, возможно, из-за моего побега. Винула себя, за то, что я такая непутёвая появилась на этом свете. Когда успокаивалась, понимала, что я не пуп земли и не причина бед континентального масштаба. Меня знали сорок сорок и их слуги во дворце, на что могла повлиять такая невлиятельная королева? Продолжая искать причины для само упрёков, допускала, что метамагия могла бы кому-то помочь, а так я бесполезно сгину. От этих мыслей я

всё чаще плакала по ночам.

Время шло. Постепенно мысли, обращённые к возможной помощи с моей стороны, тоже менялись. Помощник из меня никудышный, никого бы я не спасла. И подушка оказывалась в слезах уже по другой причине. Я не нашла Даромира. И не найду, если он не найдёт меня сам. Таких кордонов больше десятка. Что делать, если он не посещает их все?

Представила своё будущее. Лет пятьдесят спустя, я так же одна на кордоне. На мне протёрлись последние штаны, и даже печь растопить, чтобы оголённые места согреть уже нечем. На пятьдесят зим ни штанов, ни дров не хватит. И придётся мне недомагичке-долгожителю за три тёплых месяца успевать с голым задом собрать в лесу хвороста на долгую зиму. Чтобы соответствовать тому количеству тепла, которое хранит коллекция брёвен во дворе, нужно натаскать гору хвороста выше защитного купола. Не то что спать, кушать будет некогда. Здесь просто нет такого леса, чтобы меня хворостом обеспечить. Судя по брёвнам, патруль складировал древесину теплолюбивых видов. Её перенесли сюда порталами.

Я попросила Фалентира помочь мне с побегом, но, когда мне пообещали найти Даромира, позволила себе надеяться, что можно просто посидеть, подождать нашего воссоединения. Раскисла, как печенька в молоке, потеряла три недели тёплой погоды. И теперь, когда наступала пора смириться с тем, что никто из Эльфирина не придёт, я всё чаще наблюда-

ла тучи на небе, косые, хлёсткие ливни, способные не только светило скрывать и тепло забирать, но и растворить меня в своих потоках, если я решусь идти на поиски.

Время до наступления морозов поджимало. Всё чаще спрашивала себя, готова ли просидеть на кордоне до следующего лета. Ответ был очевиден, я не знала куда идти и где искать Даромира.

Можно попытаться устроить вылазку, чтобы составить представление о материке, а здесь оставить метку и по ней вернуться, имитируя метамагией Путеводную нить. Но хватит ли на это моих возможностей? И можно ли обрести магию, не имея доступа к линиям природных сил?

В моём внутреннем хранилище нетронутой оставалась только ленивая магия океана и два радужных обруча, взятые на временное хранение и принадлежавшие Ви. Когда удавалось обойтись без магии пару дней, драконий огонь востанавливался полностью. Было бы полезно практическиким путём установить много это или мало.

Первого измерение вызвало уныние. Энергии подаренной Огнём Драконов хватило, чтобы нагреть за раз пять вёдер воды не до кипятка. Уныние пришло не из-за результата, он был не плох, я приуныла от бесполезности поставленного эксперимента. Где я на скорость воду греть собралась? Под ногами у переродков? Вода стала горячей, и вместе с пустым резервом появилось осознание собственной несостоятельности во всех сферах жизни. Купальня была согрета печкой,

и ещё не остыла. Зачем мне столько горячей воды? С досады помылась второй раз за день и перестирала снятые с себя вещи, от чего расстроилась ещё сильнее. Глубины моей глупости поражали. Идти от избы-умывальни до дома оставалось либо в мокром, либо голышом. Перед измерением магического объёма мыться не планировала. Но не пропадать же горячей воде! Жаль, что о полотенце, точнее о заменяющей его простыни, вспомнила только перед тазом с мокрыми вещами. Вздохнула невесело, вытащила из таза штаны, развесила их на верёвке, натянутой в купальне. И, оставляя мокрые следы, быстрой ланью, (двуногой, одетой в мокрую рубаху), поскакала к дому.

Два дня спустя, повторила измерение, но подошла, как мне казалось, к нему основательней. Составила список дел насущных, без магии невозможных и стала плести одно заклинание за другим. В ходе нового эксперимента, с незапланированным опозданием на несколько часов поняла, что магия заканчивается на одиннадцатом заклинании первого уровня энергоёмкости. Почему с опозданием? Но тут всё, как всегда. По глупости.

В школе для детей вельмож и придворных бытовая магия велась факультативом. Мы ставили щиты от пыли, выводили единичные пятна с одежды и подогревали завтраки. Список получился не большим. Почти в самом его конце, девятым, написала «Раскраска». Его посоветовала одна из фрейлин, которая утверждала, что заклинание полностью безобидно,

вызывает кратковременное и неглубокое изменение восприятия. Примитивное в научном плане и популярное, как заметила Леди Катриола, среди недовольных бытием бездельников, во дворце оно меня не заинтересовало. Теперь, внеся Раскраску к недостаточному количеству бытовых заклинаний, я посчитала его уместным. Хотелось добавить немного красок, чтобы будущее не выглядело таким беспросветно-тяжким. Раз это заклинание меняет отношение ко всему, о чём успеваешь подумать за время его действия, немного приятных мыслей мне не повредит.

Мне понравился дом, мебель, понравились даже инструкции по выживанию, отданные Фалентиром. Хотя при первом чтении, перечень расшифровок топографических знаков на какой-то, неизвестной мне карте вызвал уныние. Я дочитала инструкцию до конца и принялась отрабатывать плетение десятого заклинания. Его результат мне тоже понравился, очень радовало даже то, что магия заканчивалась, но её пока хватало на поддержание Раскраски. Плетя какие-то новые формулы и не подтверждая их результатами в отсутствии достаточного количества магии, в высшей степени осталась довольна ими в теории. Казалось, я не ерундой занимаюсь, а лидирую в соревнованиях первокурсников магической академии. Потом я восторгалась одеждой в гардеробе, она показалась прекрасной. Отрезав все найденные штаны по своему росту, я примеряла их в каком-то замкнутом круге интересного и потрясающего. Снимая одни и надевая другие,

залазила на стул и смотрелась в зеркало. Брючное наваждение сменилось изучением собственного тела. Оно впервые мне так понравилось, что я даже сняла рубашу, чтобы ничего не мешало созерцанию совершенства.

Когда воздействие Раскраски развеялось, уставшая до судорог в творивших плетения магии пальцах, перенапряженных и отвыкших от длительных тренировок, я очнулась и обнаружила себя голой, стоящей на стуле у маленького зеркала, плетущей из волос нечто далеко не похожее на косы.

Наверное, волосы тоже мешали получению полной картины бледного тельца, под воздействия разукрасившего моё восприятие заклинания воспринимаемого мной как шедевр в музее. Глядя на каскад хитросплетений из белых прядей трудно было вспомнить наверняка, что именно я вытворяла последние часы.

Странно было то, что привычного раскаяния после шалости не последовало. Я помнила необычно яркие, волнующие переживания, которые мне бы хотелось пережить снова. Попытка возобновить действие заклинания и раскрасить свою жизнь повторно не удалась, драконий огонь закончился полностью. Я вернулась в суровую реальность, нырнула в первую попавшуюся рубашку и, промёрзшая в холоде комнат до костей, забралась на кровать под два одеяла.

В действительности, где магия жизненно необходима – всё снова оказалось пустой тратой сил и времени. Всё-таки правы те, кто утверждают, что влиять на самочувствие вред-

но. В меня закралось сожаление. Оно быстро сгрызло остатки хорошего настроения, и чтобы не разревется от боли в руках и отчаяния, пришлось поклясться вслух, что больше таким образом улучшать себе настроение не стану. Это просто неразумно и вредно. В Элинии, где полно магии, подобное состояние может сохраняться сколь угодно долго, при желании, постоянно. И что же получалось, реальность проходит рядом, пока ты видишь всё идеальным и потрясающе интересным. А как люди, опьянённые подобными заклинаниями, выглядят со стороны? Чужим кажутся забавными, а близким? Близкие, точно страдают, не в состоянии достучаться до изменённого сознания жертвы заклинания. Что бы сказали Этрисса и мама, если бы я начала восторгаться всем подряд? Это очень опасное заклинание, даже если меня никто не видит. Страшно подумать, что в предстоящем походе, истратив последнюю магию на веселящее заклинание, отмороживаю ноги и подобно радости от укороченных штанов, ещё несколько часов остаюсь полностью довольной, что их половины, те, что ниже коленей, так долго не чернеют.

В наказание все же продумала самые грустные последствия разного рода глупостей, и, сочтя себя достаточно наказанной за легкомысленность в выборе заклинаний, сосредоточилась на поиске хоть каких-нибудь источников магии в Пустоши.

Здесь имелся магический водоём. Но учитывая, что Виэ-Ратти не гнушался утопленниками, магия казалась неприят-

ной, и при одной мысли о том, чтобы запихнуть внутрь своего сознания мутную жижу сомнительной свежести подступала дурнота.

Хорошенько поразмыслив, придумала другой способ обогащения. Всего день пути и я вернусь на место, где попрощалась с Фалентиром. Там проходят мощные линии силы. Все имеющиеся накопители можно было зарядить от Виэ-Ратти, потом сходить подзарядить себя по максимуму и в путь, устроить разведывательную вылазку, пока зима не наступила.

Возвращая перерезанные штаны в гардероб, обнаружила на верхней полке документы с магическими секретами: пять бумаг свёрнутых в аккуратные трубочки, и три сложенных в несколько раз листов большего размера. Всё они, по виду совсем не исписанные, укрыты, как мои дневники, которые никому не прочесть без позволения хозяйки. Когда попыталась воздействовать на одну из них общим приветствием, она вспыхнула и сгорела. К магии другой я применила Гоблинский Ключ. На белом листе развёрнутого свитка проявились линии, сложились в рисунок, заполнились красками, открываясь вполне читаемой картой восточной части материка, с обозначениями, сделанными карябушками от руки, и легендой их объясняющей, изложенной тем же способом. На уменьшенной в тысячи раз территории маленькими точками значились кордоны, короткие линии – маршруты студентов к опытным участкам и магическим источникам силы,

заканчивающиеся на расстоянии не более одного дня пути от них.

Среди моего незнания — карта для студентов, доработанная гоблинами, которые не так давно появились в Пустоши, была прозрением, она показывала другие кордоны и давала примерные направления, где можно найти Даромира.

Воодушевлённая такой удачей, я развернула третью бумагу. С уверенностью, что следующий, самый большой документ, занявший всю поверхность стола, содержит подробную карту с маршрутами патрульных, направила к нему Гоблинское Заклинание Исконного Ключа. Может, так оно и было, и карта была подробной. Только он не открылся. Как и первый зачарованный документ, третий вспыхнул и стал тонким слоем пепла на столе, едва заклинание прикоснулось к его секретам. Что говорить о других? В надежде, что мне повезёт, я спалила их все.

И так, у меня появилось некоторое представление, где находятся другие кордоны, пролегающие к ним маршруты, опытные участки студентов и поселения турийцев. Информации конечно недостаточно, но больше бумаг на кордоне не осталось, по крайней мере, доступных моим глазам и поисковым чарам.

Никакими заклинаниями направления по сторонам горизонта я не владела, на местности ориентировалась благодаря только играм в Чудесаде, поэтому старательно изучая линию от кордона до портала, считала повороты нарисованной

тропинки, в надежде, что это поможет запомнить маршрут. Выяснила, что ответвление тропинки влево, если бы я его выбрала, вместо кордона привело бы меня к морю, куда го-блины ходили ловить рыбу.

На всякий случай попыталась изобразить что-нибудь похожее на магию Фалентира, создавшего Путеводную Нить. Моё сильное желание связать два невидимых артефакта одной нитью, привело к тому, что на третий раз артефакт, установленный на кордоне, откликнулся слабенькой вспышкой со двора. Оказалось, что он имеет форму обруча с неизвестными мне символами. Но его отклик удалось заметить только потому, что я запустила заклинание поисковой магии. Если сильно потеряюсь, смогу повторить свои действия, но польза от подмигивания артефакта на большем расстоянии была равна нулю.

Весь вечер резала простынь на тонкие ленточки. Имея сильные основания сомневаться в собственных возможностях, надеялась с помощью верёвочек уменьшить риск потери того, что имела и оставляла вместе с кордоном. В поход собиралась взять совсем не многое: ленточки для меток на деревьях, бутылку воды, одну из двух булок непоедаемого хлеба в волшебной обёртке и пару конфет. Не откладывая, уже этой ночью, я собралась уходить налегке, оставив даже Ви.

Пусть посидит и подумает над своим поведением. Она частенько бывала невыносимо врединой. Когда я доставала

ножницы, всякий раз просила сшить что-нибудь для неё. Сегодня в нетерпеливом ожидании новых штанов поделила на два пучка свои корешки. Я была не против изготовить ей обновку, в конце концов, простыни в гардеробе ещё были. Но Ви настаивала на том, чтобы штаны были шёлковые, она вернулась из спальни, волоча по полу за рукав моё платье, стянутое с полки гардероба. Пару раз терпеливо объяснила, что оно у меня единственное и, если говорить по справедливости, у неё ярких нарядов больше, чем у меня. Штаны можно сшить из простой материи, главное, чтобы в них было тепло. В третий раз мне казалось, что она меня услышала и вопрос со штанами решен, я взяла платье, положила его на полку, а когда вернулась, одна деталь её недошитых штанишек из льняной ткани была прорезана. Я зыркнула на неё, свернула испорченную деталь вместе с остатками простыни и отложила в сторону.

– Штанов не будет! – озвучила я окончательный вердикт.

Ви слезла со стула, подошла к гардеробу, открыла створку, оплела подол платья усиками и сдернула его на пол.

– Ви, ты понимаешь, что я обижусь?

Она переплела спереди ветки, подражая моей позе, и демонстративно вперилась в меня взглядом.

– Тебе не всё равно. Можешь не обманывать. Если хочешь тёплые штаны, я сошью. Тратить своё время и платье на шелковые – не стану!

Ви насторожил мой строгий тон, до этого по-настоящему

я на неё не сердилась. Она повернулась к гардеробу и подняла моё платье. Я собралась прикрикнуть, ожидая новый виток непослушания, но она положила платье на кровать. А потом занялась подбором вещей для переделки из кордонских запасов.

Управились мы споро. К ночи у Ви были штаны, сшитые из двух широких рукавов мужского свитера. Ещё один свитер я выбрала себе и незаметно для Ви вынесла на крыльцо.

Путешествие предстояло неблизкое, у меня был шанс пройти расстояние за день, ночевать на берегу и с рассветом отправляться обратно, но именно «ночевать» меня пугало неимоверно. Я выбрала другой, хотя и более рискованный вариант. Вышла ночью в надежде к обеду быть на отмели, а к следующей ночи вернуться.

Моя Зелёненькая, навоевавшись за день, не заметив одно из двух блокирующих Пугалки колечек под своим матрасом, заснула стократ крепче обычного. Я выскользнула из дома, надела свитер, затем приготовленный заранее рюкзак. В доме было тихо, Ви не проснулась, не скреблась за дверью, не пыталась открыть. Я чувствовала себя так, словно предала, обхитрила, и оставила её в опасности. Но оторвалась от двери, заглушая порыв вернуться за ней. Во-первых, её листики снова обгорят. Во-вторых, с ней не смогу повязать ленточки на достаточную высоту, те самые метки по которым предстояло ориентироваться на обратном пути.

Первые шаги давались нелегко. Решение правильное –

братъ Ви опасно. Но как же тяжело расставаться! Медлить больше ни к чему. Если решила, нужно делать. Быстреей пойду – быстреей вернусь. Вышла из-под защитного купола, погасила светляка и пригляделась. Приободренная защитой распугивающих артефактов, поправила на большом пальце второе кольцо, гасящее действие последних, ещё раз глубоко вдохнула прохладный, ночной воздух и заставила себя идти быстреей, а затем побежала по едва заметной в темноте тропинке. Мимо водоёма, по прогалинке меж деревьев и дальше, дальше...

К рассвету вышла к приметным каменюкам, узнала место, где потеряла нить. Порадовалась, что сегодня лицо не обгорит, вместо шляпки на голову повязала кусок простыни, прижав им ко лбу крупный лист какого-то растения. Шелушившаяся кожа ещё после первого контакта с прямыми лучами не выровнялась, она стала темнее на лбу и щеках, на носу рассыпались рыжие пятнышки. Если так дело пойдёт, Даромира можно не искать, чудо конопатое женой высокородный эльф уж точно не признает.

По моим представлениям суша к полудню должна была закончиться отмелью, с выступом похожим на голову черепахи с очень длинной шеей. Но за новым поворотом вместо морской синевы увидела камни, траву и тропинку, а чуть поодаль куст с белой ленточкой.

Поморгала, глаза руками потёрла – висит ленточка, на ветру концы болтаются. С ощущением иллюзорной реальности

развернулась и пошла по тропинке, прочь от ленточки и за поворот. За ним камни, знакомая тропинка. Даже трава меня, кажется, узнала, приветливо склонилась, а дальше ветерок помог склониться кустику с ленточкой.

На этот раз к метке подошла, чтобы потрогать, убедиться, что не иллюзия. Прошла дальше, до следующей метки, убедиться, что я здесь действительно недавно проходила. И тряпочка нашлась вчера моими руками истерзанная, сегодня ими же на узелки завязанная. Развернулась в стремлении пойти по тропинке к морю и снова вышла к метке, изученной тщательно, до последней нитки.

За выход к морю боролась долго и напрасно, поворот странным образом возвращал меня на тропинку в обратном направлении. Наверное, именно так случалось с изгоями. Значило ли это, что ритуал провели для меня, каким-то заочным образом? Не веря в происходящее, пробовала обойти пространственную ловушку, вызывая к метамагии, пошла другим путём, слева от тропинки. Но прежнее лево и на пятый раз вдруг превратилось в совершенное «право». То есть, когда я шла на запад вдоль тропинки, оставляя её слева, то в одном и том же месте оказывалась лицом на восток с правой стороны от неё.

День убывал и мои физические силы вместе с ним. Не раздобыв и толики магической энергии, я была вынуждена сдаться и пойти туда, куда меня волшебным посылали, то есть обратно на кордон.

Ещё выяснилось, что не то место я зелёным листом прикрывала. От Фалентира шла с запада на восток, лицом к светилу, а обратно к острову соответственно с востока на запад. Гелиос, пока не встал в зенит, светил в затылок. Когда пробивалась к морю, свет тоже не стоял на месте. А стоило мне повернуть назад, он уже начал клониться к закату, как снова нащупал мой тыл, углядел неприкрытую ничем шею и решил допечь до красной корочки. О чём с заметным опозданием оповестил знакомый жар в широком вырезе свитера под грубой лямкой рюкзака сместившегося в сторону на узкой, усталой спине.

Платочек из лоскута простыни и лопух снимала с головы на ходу. Платок повязала вокруг шеи, лист сунула за пазуху, стараясь лишний раз не оставлять следов и запахов. И наконец, определившись с тем, что без привала у меня есть шанс вернуться на кордон к началу настоящей ночи, я побежала, что есть сил.

Я могла лишь догадываться, почему Пустошь не имела обычных вечерних сумерек. Стоило светилу скрыться за горизонт, как наступала ночь без всякого перехода от лёгкой прохлады к плотному сумраку. Возможно, сама земля, лишённая магии, впитывала энергию дневного светила, её не отражая.

Когда я миновала знакомую развилку и повернула направо, тропинка, до этого едва различимой полоской убегавшая вдаль, уже сливалась с темнотой вокруг. Я продолжала идти

без света, ориентируясь на проплешины в траве под ногами, не торопясь становиться для какого-нибудь переродка, не реагирующего на магию Пугалок, вкусным тортиком со светлячком вместо розочки. Миновала несколько едва различимых меток, повязанных на куст и одну придавленную камнем на выступе скалы, где не было кустов. Полагаясь на оставленный по дороге к морю ориентир, уверенно шла дальше, пока не оказалась без тропинки между деревьями, в совершенно незнакомом месте. Огляделась, и обрадовалась своей предусмотрительности:

«Вот же она! Моя метка из белой материи. Просто я немного отклонилась от тропинки», – подошла ближе, надеясь вернуть пропажу, но нет – потерянной тропинки под меткой так и не нашлось. Кроме того, сама метка была не повязана, слишком короткая верёвочка свободно болталась на ветке, обмотанная вокруг неё, без единого узла, а я их обычно по два завязывала.

По спине пополз холодок нехорошего предчувствия: «Моя ли это метка, развязанная ветром? А если кто-то заманил меня сюда, используя мою уловку против меня же самой?»

Я успела запустить единственным атакующим заклинанием, которое знала достаточно хорошо, чтобы применить его в темноте, когда трава рядом едва слышно колыхнулась. Усовершенствованное Даромиром, однажды посланное в меня заклинание ремандры было первым, что мы разобрали с

грозыным Стипрхинипронсой на его уроке. Оно, подкрепленное магией океана, остановило то, что стремилось достать меня из невысоких зарослей. Беспомощно вгляделась в темноту, которой потворствовали тучи, в любой момент готовые пролиться дождём. Они так не вовремя зашторили и звёзды, и луну, что пришлось выбирать: выдать себя светляком и узреть грозящую опасность или бежать прямо сейчас. В последнем случае было не ясно, куда бежать и огромный шанс пропустить повторное нападение из темноты, не уловить движения нападавшего даже в последний перед возможной гибелью миг. Я выбрала первое. Повернулась, наклонилась в ту сторону, где слышала шорох в момент активации заклинания. Пошарила рукой. Твёрдая чешуя, длинный, сухой нос и острые зубы разъяренной пасти в паре ногтей от моей ноги. Под заклинанием застыло нечто опасное, а я даже не знала, сколько продержится активированное мной заклинание. Убрала ноги подальше, отойдя на пару шагов, сделала самого слабенького светляка.

Зингворм готовил нападение, скрываясь за ближайшим валуном. У меня даже сомнений не возникло, что это был тот самый дракон, о котором в письме предупреждал Фалентир. Опираясь на задние конечности, он оплёл камень хвостом, сделал противовес своему длинному, змеиному телу, и, поджав передние лапы, в намерении закончить атаку, обхватив мою ногу зубами, просунул морду сквозь заросли выдавшей его травы, да так и застыл с раскрытой пастью. Если бы дра-

кон не преувеличил мои зрительные возможности и напал, минуя шелестящее укрытие, его зубы вонзились бы в мою ногу, а запоздалое заклинание ремандры на неопределённый срок сделало бы из острых зубов его застывшей пасти прочный капкан. Учитывая, что некоторые особи этого вида обладали ядовитыми зубами, последствия такой встречи были бы совсем печальными.

– Закрой рот! Иди к дереву! Обойди вокруг! – не надеясь, что ящер поймёт общеэльфийский язык, произносила слова вслух, чтобы сформировать более чёткие магические посылы и подтвердила их магией воды. Он выполнил команды в точности. Его узкое тело на четырёх лапках было локтей пятнадцать в длину (эдакая змеища с ножками). Когда голова ящера, а за ней и передние лапы совершили круг, его хвост ещё только показался из травы. Я выждала момент, и на втором обороте приказала остановиться. Задние лапы как раз оказались рядом с передними. Из рюкзака достала тряпочные ленточки, сложила несколько штук вместе, перекрутила для надёжности и начала обезвреживать врага с самой опасной его части – с зубов. Закрепив верёвку вокруг сомкнутых челюстей, скрутила ещё и перешла к лапам. Двойное кольцо из дракона, зафиксированного вокруг дерева таким образом, что передние лапы оказались привязанными к задним, посчитала надёжно обезвреженным и сняла удерживающие заклинание.

Дракоша зарычал, напрягся, пробуя верёвочные путы на

прочность. Тряпочки выдержали, змей ни сразу, но понял, что попался. Порычал, поелозил несколько минут и улёгся широким кольцом вокруг дерева. Я обошла его по кругу, определяя самый удалённый от зубов участок; переступила, забираясь внутрь кольца; села спиной к стволу; ногами прижала змея к земле, погасила огонёк и приготовилась ждать рассвет.

Зингворм увел меня с тропинки, прочь от защиты артефактов, я вообще не понимала, как он эту защиту обошел и ленточку мою слямзил.

Отправляться на поиски своих ориентиров, освещая путь светляком было то же самое, что звать голодных зверей на ужин. Жесткая чешуя дракоши, уложенного вокруг прочного ствола дерева не сравнится с ужасами, скрытыми полом турийской ночи. Рядом с ним ночевать не так страшно, как одной. Если я не ошиблась и это именно тот дракон, что много лет привязан зовом водоёма, значит, он хорошо знает, как здесь выжить. Почует опасность, начнёт вырываться, чтобы спастись. Пока же он лежал неподвижно. Я сняла рюкзак, уселась поудобней, положила голову сверху тельца дракона, чтобы сразу среагировать на его движение.

Мне не нравились ночные звуки: шорохи, периодичные перекрикивания птиц, трескотня насекомых. Ещё больший дискомфорт вызывала тишина, наступавшая после каждого громкого рыка, разносимого ночным воздухом по перелесью и скалистым холмам. Не могу утверждать, что рёв монстров

вдали был слишком однообразным или что я вдруг привыкла к периодам затишья после него. Скорее всего повлияла усталость. Я провела много часов без отдыха, и мой организм, до этого не знавший смертельной опасности, поступил привычным образом. Звуки в очередной раз затихли, дракон вёл себя спокойно, и я уснула.

Глаза открылись, я проснулась с полным пониманием, где нахожусь и чья узкая спина под моей головой. Непонятно было другое: «Неужто я спала?» Тушка дракона находилась там, где ей было положено, под моими коленями и головой, но синий цвет чешуи, отливающий фиолетовым в утреннем сиянии, не уместался в понятие о тёмной ночи. Сомнений не осталось. Бессовестным образом, наплевав на безопасность, я проспала до утра.

При активации заклинания ремандры, отправленного на рефлекс, успела оценить красоту драконьей чешуи, особенно роскошна она была на тройном гребне за ушами, а после того, как заклинание не сработало, для оценки мне предоставили длинный нос, покрытый ровной, блестящей, чёрной чешуёй. Нос поднесли очень близко – разглядела не только чешую, но и выпирающие из сомкнутой пасти зубы, а также одну из ленточек, оставленных на морде для весьма выразительного, финального жеста. Дождавшись, наконец, моего внимания и полного понимания ситуации, лёгким движением, дракон совсем не связанной, когтистой конечностью снял последнее свидетельство совершенного над ним наси-

лия и опалил ленточку, выпустив тонкую струйку огня.

– Ты не переродок?! – крикнула я, готовая на шею собрату броситься. Его тело мгновенно сократилось, меня прижало к дереву моими же коленями под кольцом длинных, змеиных мышц.

Понимания, что мне конец не возникало. Радостная встреча с земляком, обладавшим магией огня, перевесила беспокойство о целостности собственных костей. Несмотря на то, что в его крепком захвате дышалось трудновато, если задуматься, то до последнего выдоха осталось совсем чуть-чуть (ещё пара сокращений мышц под коленями и всё), я не допускала мысли, что змей, одаренный магическим пламенем самим Духом Драконов, меня прикончит. Пусть я не совсем дракон, но я тоже была паломником, прошедшим Путь Птенцов, как и он. Я не собиралась сопротивляться, приспособила дыхание, чтобы прошло удушье и возникавшая при этом паника. Змей опять приблизил морду к моему лицу, прикрытому коленями до самого носа, приняхался и недовольно фыркнул.

Мне было чем возразить на его придиричивость. Да, я сутки по пересечённой местности носилась, но не измаралась же, до такой степени, чтобы брезговать! Чувство справедливости у меня всегда было сильнее страха смерти. Я рассердилась: «Не такая уж и грязная, чтобы фыркать! Это у него изо рта пахнет!»

Драконий огонь внутри меня вострепел, растревожен-

ный опасностью, напился обидой и с шумным выдохом вышел дымком из открытого для возражений рта. Ужасное зрелище. А казалось, я с этим побочным эффектом от обладания огнём ещё до академии справилась. Стыдно невероятно даже перед драконом. Это хуже отрыжки. Теперь у дракоши все основания пренебрежительно фырчать имелись. Он опять принялся, ткнувшись носом в мой нос. Взгляд его выражал не то удивление, не то интерес, но свирепости в нём точно поубавилось.

Тело начинало ломить, хотелось вместо частых глотков воздуха сделать полноценный вдох, но я терпела. Дракон не ослаблял захвата. И что было делать? Приказ Ремандры не отправить. Я его умела активировать магией воды, которая закончилась ещё вчера. Надо было проверить, а не спать! Выяснила бы, что со страху вбухала целую океанскую волну в четыре приказа. Что я могла, кроме как, задрав голову, выдохнуть слабенькое пламя и показать собрату, что я своя в доску? Так я и сделала.

Кольцо вокруг меня опало, а после в момент распуталось. Хотя я и не умела выдувать огонь так красиво, как он, дракоша признал во мне родню. Любопытство не позволило зингворму меня задушить ночью, когда он освободился от верёвок, оно же до сих пор его здесь удерживало. Но он всё же решил, что ему пора.

– Не уходи! – попросила я, хриплым после его захвата голосом.

Родич оторопел, после неприятного знакомства для обеих сторон, явно не ожидая настойчивых просьб остаться. В один момент, подобравшись телом, он был уже в нескольких шагах от меня попытавшейся его остановить.

– А ты меня не проводишь?

Фыркнул, теперь удаляясь так неторопливо, что движения его хвоста и задних лап можно было принять за танец торжества его высокомерия над моей сентиментальностью.

– А ты дракон-девочка или мальчик? – спросила я, быстро собирая разбросанные вещи в рюкзак. Он снова фыркнул. Выражая полное пренебрежение моему интересу, но явно им наслаждаясь, перетекал от камня к камню, исполняя «а вот как я могу» из немыслимо крутых поворотов тела.

Новый знакомый оказался очень вредным субъектом, с высокой степенью самоуверенности. Ждал утра и кусать меня не торопился, исключительно, чтобы насладиться маской ужаса на моём лице в момент расплаты за сорванное на меня нападение. Прожёг верёвки, освободился, добрался до содержимого рюкзака и опустошил его полностью. От волшебного, белого хлебца осталась лишь растерзанная обёртка, бутылка, закрытая крышкой, валялась неподалёку, конфеты змей употребил вместе с обёртками, не оставил без внимания даже бумажную карту. Ни сразу найдя её не съедобной, бросил развёрнутую, мятую и порванную, после неоднократных попыток найти в ней ещё одну булку хлеба.

Меня впечатлили возможности зингворма, способного, не

пошевелив ни одним мускулом той части спины, на которой лежала я, расправиться с продуктами. И он умел не только это. Он мог, невероятным образом, переходить от обычной скорости к стремительной. Передвигаться с одного места на другое, как вспышка молнии (уже сверкавшая вдали, задолго до раскатов грома). Или, наоборот, замедлить движения до незаметности. В общем, если бы он того не пожелал, с такими физическими возможностями, полюбоваться его чешуёй, а уж тем более его догнать, мне бы не удалось, при всём моём желании.

Дважды я поворачивала ни туда и получала направляющий тычок от едва уловимого взглядом сопровождающего. А когда невдалеке рыкнул какой-то монстр, мы подались навстречу друг другу, ища защиту, и спрятались за одним камнем. Немного погодя дракон исчез в траве, а я прикрылась иллюзией какого-то куста, с неясными очертаниями и побежала по тропинке.

В тот день, когда смогла вернуться на кордон, страшно было даже думать о том, чтобы покинуть его защиту вновь.

Сохранный купол встретил меня отводящими чарами вкупе с невидимостью и внутрь не пустил. Сразу не поняла с чего бы это, если только кто-то сменил доступ. Произнесла формулу единства ещё раз и только тогда смогла войти в периметр двора.

Дом был закрыт снаружи, всё выглядело так, как перед моим уходом. Дневной свет прорвался в проём двери, и я

увидела Ви. Она стояла у порога, нахмутив всё, что только можно было «схмурить» вокруг зелёных глаз, и каждым личиком старалась выразить глубокую обиду.

Оправдаться не успела, раньше заметила дракошин хвост под столом, и почти сразу его лапы потянулись к последней, волшебной булке.

– А ну стоять!!! – крик остановил дракошу не хуже заклинания. – Отрежу хлеба и дам сама! Порвёшь обёртку, хлеба больше не будет! Из-за тебя, только чёрная булка осталась. Вот возьми! И кашу тебе сварю! Эй! Ладно, муку ешь, не жалко. Ви не трогать! Прогоню сразу! Понял?!

Дракоша действовал быстрее, чем я запреты успевала выкрикивать. Желание понюхать Ви, стоило ему хлёсткого удара веткой по морде. Драконье горло выдало недовольный звук, от спасения булки я переметнулась к спасению радодцвета и снова наорала на дракона, что есть сил.

Ви обижаться перестала. Она-то думала, что я накануне похода за магией строгой была, а тут ор до потолка.

«Мамочка моя, родненькая!» – подумала я, в десятый раз одёргивая непослушного дракошу. – «Прости меня неразумную. Я всегда была причиной твоих переживаний. Хоть сейчас ты и не видишь, какая я непутёвая, но мне всё равно так стыдно!».

В этот момент я отчетливо поняла насколько не ко двору Владыке Исильгарда пришлась бы такая дочь, к тому же брошенная мужем-героем. Если бы я вернулась домой, меня

бы окружал комфорт и безопасность. Но с ними неразрывно связаны непонятные правила, непрекословное послушание и зависимость. Зависимость от чужого мнения, не моих, порой непонятных мне решений. Осуждение с нотками снисхождения – мамина линия поведения, сдержанное недовольство под строгим взглядом – так бы реагировал на меня отец. Их трудно было обвинить в холодности, скорее они проявляли осторожность в отношении меня. Родители не объявили о рождении третьей дочери, потому что почёта от такого события семья имела бы меньше, чем осуждения. Слабый здоровьем ребёнок в Элинии – аномалия. А я умирала от боли каждый день. Не могу помнить, но Лиси рассказала, что я постоянно кричала от боли. Я так закатывалась в плаче, что она, женщина, которую считают самой жестокой преступницей за всю историю магического мира, герцогиня Сицилина Дин Кованни, не смогла остаться равнодушной. В образе простушки Лиси, она оставалась рядом, придумывая заклинания, снимающие боль, в то время, как моя семья окончательно решила меня скрывать. Хотя, заклинание незаметности тоже было Лисиным, обижалась я на маму с папой, потому что они принимали окончательное решение, а потом незаметность, вечные тайны, и лекари только семейные. Покажи они меня ириванским магам, и толокоши узрели бы паразитирующее колдовство на ребёнке. Меня бы вылечили. Я не росла бы незаметной, сумеречной тенью семьи. Не пряталась бы намеренно, от того что показываться на глаза бы-

ло стыдно из-за внешних недостатков. Мной не прикрывалась бы преступница, к которой я привязалась, как к самому близкому существу.

Возможно, я давно слыла бы красивой и, зная себе цену, принимала взрослые правила, как должное. Уверена, что и правила для красавиц гораздо менее строгие, чем для неразвитого яблока на семейном древе правителя.

Стоит признать, родителям я была бы в тягость. Они были довольны мной лишь один единственный раз, на балу в Эльфирине. Когда Даромир показал всем своё «другое» отношение ко мне. Заботу и восхищение, пусть даже и шантажом у него вытребованные. И он объяснял мне причины каждого своего поступка. Он меня не просто чувствовал, он старался меня понять. Сурового воина научили быть ответственным за чужие судьбы. Мама Дорис много лет помогала трудному сыну стать лучше. Меня же просто устранили, закливанием преступницей подброшенным сделали незаметной. Чтобы не обсуждал никто, чтобы не мешала жить так, как веками жили.

Я думаю, мне лучше попытаться выжить вдали от мамы, чем стараться стать той, кем я на самом деле быть не хочу. Я ору на дракона так, что леди в обморок бы попадали, а сама рада его обществу. По привычке, я раскаивалась в том, что опустилась до криков. Только по привычке! Магии не осталось. Дракониий огонь исчерпался, пока под грозное рычание осмелевшего в отсутствие патруля зверя я возвращалась на

кордон, прячась за иллюзией кустов.

Дракону нужно объяснить правила. Простые правила существования. Мне объяснить причины взрослых правил не удосужились. Я буду брать пример с Даромира и его родителей, буду объяснять. Я научу дракона понимать необходимость правил, а не муштру или отстранённость. Меня учили общаться с придворными дамами, но мне милей общество зингворма. Выходит, я всегда была изгоем, а значит приспосаблиюсь к этому миру.

Глава 3

Друг – это тот, кто лучше тебя знает, что у тебя есть поесть

Дракоша, кажется, проникся моими объяснениями и кивнул. Когда я рассказала ему про волшебную обёртку, скосил взгляд в сторону оставшейся корочки, завёрнутой в бумагу, но не тронул. Я основательно подошла к обороне недоеденного дракошей хлеба, отнесла его в шкаф и закрыла запирающим заклинанием. Он заметался по комнате в поисках съестного. Я активировала кашеварку, как только запах каши достиг чёрных ноздрей, юркого змея не смогли остановить даже мои визги на которые я переходила, вставая на оборону кашеварки. Перехватив его на подлёте, когда он в прыжке собирался захватить котелок, я выволокла его на крыльцо и захлопнула дверь.

– Ви, я его не звала. Он сам пришел, под купол влез незаметно, мне второй раз пришлось клятву единства прино-

силь, – взгляд на меня по-прежнему осуждающий. – Ушла потому, что магией хотела запастись, – глаза Ви блеснули неверием.

– Обещаю, в следующий раз предупрежу, не оставляю тебя. Сама очень переживала, боялась тебя не найти. Ты самая большая моя драгоценность, веришь?

Ви закивала кроной, – быть драгоценностью ей хотелось.

– Обещаю, теперь только вместе! – я была готова поклясться в этом.

По крыше застучали крупные капли. Их стук быстро перешел в шум ливня и вдруг его прорезал истошный вой и грозный рык. Совсем рядом мучительно и громко под рёв победителя, побеждённое существо возвестило о своей гибели. И я заплакала.

– Ви, мне кажется, мы обречены. Нам здесь не выжить. Лето заканчивается, а никто не пришёл. Как накопить сил к зиме? Виэ Рати уснет в морозы. Энергии накопителей до весны не хватит. Сила артефактов угасает, понимаешь? Мне нужна магия, чтобы отыскать их и поменять в них камни. Мы здесь застряли. Даромира пешком не найти, а порталы я строить не умею, и печать с тебя снять не получается. Я такими приёмами не владею, и дар мой тут бессилён.

Снаружи поскреблись, похоже, дракоша пытался постучаться. Я подошла и приоткрыла дверь. Точно. Это был он. Прилип к щели, трясаясь от страха.

– Заходи, только води себя хорошо, – если в первый раз

мне показалось, что дракоша умеет выражать согласие, то теперь он кивнул так убедительно, что в его возникшую вдруг порядочность сразу поверилось.

Зловещее рычание за водоёмом и котелок готовой каши способствовали хорошему дракошину поведению. Накушавшись, он стал выискивать местечко поукомпней. Разрешила выбрать одну из кроватей, а сама заставила себя собраться с духом и составить план, что нужно сделать до наступления холодов. Перебралась к столу, чтобы преобразовать новые штаны радоща в полноценный согревающий артефакт с ремнём-накопителем. Дракон проснулся, перетёк вслед за мной в кухню, улёгся под лавкой и, благодарный за хлебушек и кашку, свернул внушительное колечко из тела, головы и лап вокруг моих ног.

Где-то ещё раз прорычали, заявляя о смелости, силе и праве на территорию. Опасность стать ужином переродку из теоретической, описанной Фалентиром, переходила в реальную. Два дня назад рычание слышалось издали, сегодня днём убийство произошло поблизости. Зингворм смог попасть на тропу, а после в дом, это подтверждало мои слова о том, что отпугивающие артефакты угасли. Без их защиты я не смогла справиться даже с небольшим, не страшным дракошей, тощее тело которого на скелетик похоже. До того, как рыскавший среди холмов хищник вновь проголодается, нужно выйти и разыскать пару Пугалок, поменять в них накопители, иначе позже выходить из дома будет равносильно

самоубийству.

Дождь лил несколько дней и не собирался заканчиваться. Чем больше тревог рождалось под звуки завывающего в печи ветра и стук ливня, тем менее придирчиво я оценивала магию Виэ-Ратти. Наконец, преодолев брезгливость, придумала способ ею обогатиться. Метамаг я или как? Магический заряд в накопителях выглядел вполне употребляемым. Поделила все найденные в доме накопители на две части и впервые за время нахождения в Пустоши оправдала гордое звание метамага. Неосторожного такого, рискованного. Подумала, подумала и решилась. Зажала кристалл в руке, сосредоточилась на нём, воссоздав его в памяти, чтобы через мысли впитать его образ, превращая во внутреннюю энергию.

Вместо проекции кристалла мне привиделось мутное облако. Вобрав энергию одного накопителя, сознанием ушла в себя и не нашла в воображении привычного образа пещеры. Пространство магического хранилища заполнил сизый дым или скорее тяжёлый туман. Плотным облаком накрыл старую хижину, не упокоенным духом взвился до узкого свода, игнорируя выход.

«Ну и что теперь делать?» – Непослушная энергия носилась в моём разуме, заполняя его непроглядным маревом. А ведь это только первый накопитель, и хотелось бы затею до ума довести, так чтобы этой магией потом ещё и пользоваться можно было.

«Как приспичит, и со страху я, думаю, что и на этом за-
магичу, но возможны нежелательные эффекты. Ладно, про-
должаю. Альтернативы в любом случае нет», – подстёгивал
меня мой слегка подуставший от неудач оптимизм.

Попробовала успокоить туманное марево, да только ещё
больше раскрутила. Хотела договориться, как когда-то с ме-
тамагией, но несговорчивость Виэ-Ратти оказалась сильнее
моей настойчивости. В итоге я полностью отдала ей пещеру,
воссозданную моим воображением, решив в случае чего из
хижины не выходить, чтобы сознанием в тумане не заблу-
диться и принялась его уплотнять до возможного миниму-
ма.

Магии уместилось много, на двадцатом накопителе по-
чувствовала, что реальный мир туманной дымкой накрыва-
ется. Остановилась. Переложила два нетронутых накопителя
к той половине, что сразу оставляла для артефактов. Жаль,
что упустила возможность измерить расход накопителя на
заклинание средней силы. Надо было на первом облаке хо-
тя бы воду греть или грызунов с каморами разгонять. Два-
дцать накопителей не выпали мутным дождём, не скопились
в лужах, или в чём-либо исчисляемом. Хижину накрывал всё
тот же туман, словно его плотности было все равно два это
накопителя или двадцать. Метамагия помогала в адаптации,
она снова действовала. Это наводило на мысли о том, что
она не очень эффективна в Пустоши, вне меня проявляется
только при наличии внешних источников магии. То есть,

если я вновь решусь экспериментировать, мне сначала нужно создать магическое поле вокруг себя, создавать которое я не умею... или... Я потянулась и взяла один из отложенных накопителей, чтобы опять зажать его в руке. Другую руку направила в сторону изодранной обёртки от белой булки хлеба и, сделав жест заклинания, обновляющего оболочки на корешках Ви, пожелала её починить. Бумага зашевелилась, лоскуты распрямились и... всё. Бумага вернулась к прежнему, помятому состоянию. Накопитель кончился. Заклинание для такой площади оказалось слишком ёмким.

«Лучше бы воды нагрела!» – с такими мыслями разочарованно вздыхая и пыхтя, вставила опустошенный при неудачной попытке восстановления обёртки камень в специальный зарядник, соединённый с мутью плотоядного пруда. Крупный, тёмно-зелёный изумруд. В изумрудах заряд заканчивался раньше, чем, например, в топазах. Может, стоило выбрать алмаз или взять сразу два камня?

Больше я не раздумывала. Зажала в руке два сияющих гранями прозрачных кристалла и направила магию на рваную обёртку. Та среагировала на посыл заметными изменениями, но метамагия, подпитанная накопителем не выполнила моё желание в полной мере. Для его воплощения по-прежнему требовался активированный в моём присутствии образец восстановления хоть чего-то рваного. Руны восстановить, это не корешки влагой и минералами напитывать. Жаль, что при мне никогда ничего не ремонтировали.

Вещи принцессы и королевы всегда должны быть новыми. А метамаг – это подражатель – не творец, создающий из ничего любую задумку. Очередной раз горестно вздохнула, вернула на полку обёртку, с дырами и трещинами лишь немного изменившими форму, и потянулась за новым накопителем.

Ви рвалась из рук в желании поплескаться в тёплом тазу, в другом тазу отмокало постельное бельё. На одном сапфире согрелся целый бачок воды в помывочной избе. Но мне показалось что Ви без растопленной печи будет холодно и я пошла за бревёшками.

«Что получается?» – думала я, растапливая печь. – «Напустила в разум тумана, и теперь не знаю, как его применять. А всего-то нужно было с помощью метамагии активировать заклинания камнями-накопителями. Столько сил и времени потрачено на преобразование магии Виэ-Ратти, а всё, как сказала бы Лиси, мартышкин труд. Ну, и как меня назвать?» – Последний вопрос отозвался тоской. Родители подарили мне прекрасное имя, но я оставила его в Элинии. Не имела права взять с собой. Когда-то не оспаривая приняла имя Кимириси, данное мне Даромиром. Даже поверила, что оно означает на вуиверском Неугомонная и мне подходит. Пока не выяснила, что суть имени слишком упрощена, а прозвище граничит с издёвкой. Неугомонная Кимириси – марионетка в руках предвечных, неказистое существо, поверившее в своё превращение в эльфийскую деву совершенной красоты.

Кто же я теперь?

Пять дней назад я открыла чистую тетрадку, следуя привычке делиться с белыми страницами событиями и мыслями. Новую тетрадь, так как две исписанных хранили события жизней, от которых я бы отказалась вновь. Начиная жизнь с чистого листа, нужно начинать другой дневник. Я написала, как потеряла нить, как нашла дракона и что решила его не прогонять. Будем жить втроём на кордоне.

Но пропустила первую страницу. Оставила чистой.

Чей это дневник? Как подписывать, если имени-то нет?

Против вариантов Би, Ди или Си, возникших по аналогии с именами молодняка латифиллы в саду родителей Даромира, вставала противность врождённого вкуса, происхождением из уважаемого, сильфийского рода, где имена давались изысканные и значимые. Пусть я изгой, но не дерево же! У Лавилия и Дорис много радостных воспоминаний. Они ловко меняли буквы в односложных именах своих питомцев, легко обеспечивая молодняк радощета именами. Другое имя – Ким сразу наполнило чувством сожаления о неудачном студенчестве, ссорах с Даромиром, отозвалось страшными воспоминаниями о пытках Граха. Выходило, что я записываю воспоминания безымянной неудачницы. Но как назло ничего лучше имени «Ви», уже занятого моей любимцей, в голову не приходило.

Возможно, мне даже повезло, что сегодня стихийно возникла стирка и времени на дневник не осталось. Я верну-

лась в дом, за простынёй, заменяющей мне полотенце. Дневник лежал на столе, рядом с пером. После опрометчивого эксперимента с накопителями, впору было сесть и написать на первой странице «Дневник Урхонской Маяты». Небылица про подружку глиняного голема, рассказанная на вечерних посиделках в Дасарской академии, утверждала, что глупее существа никто трезвым бы не создал, на такое маг нужен пьяный.

Было это давно, когда магический мир начал расширяться на восток, волшебством строились города, одним из которых был Урхон. Служил урхонским магам огромный голем. Верой и правдой служил, помогал дома строить и порядок поддерживать. После строители стали о своих семьях заботиться и ответные ласки получать, а голем другом им стал, а без семьи обретался. Решили они ему пару сделать. На одном из городских праздников, в хорошем подпитии обсудили факт одиночества голема и решили. Единства вкуса у пьяных магов не сложилось, и получилась глиняная женщина, так сказать на любителя. Голова маленькая, руки тонкие, а всё остальное ни тонким, ни маленьким не было, за исключением волос, их не вылепили. Устали. Больше всего глины на нижнюю часть туловища пустили. Не говоря уже о том, что о мозге маги ещё после волос вспомнили и положили в черепушку камни. Уж, какие там же в карьере у реки нашли, те и положили. Главное, чтоб не совсем пусто было. Задрапировали изделие в тюк ткани, уже порядком вымотались,

вино допили, назвали просто Маята и вручили другу.

Голем подарок оценил, магам кивнул, подругу за руку взял. Не беда, что без волос, за то на груди и везде, куда не глянь, ткань трещит от полноты. Округлостей исполнена, и где, по мнению магов, женщинам положено, глина приятно мягкая. Много глины. Не пожалели друзья материала. На этом плюсы Маяты заканчивались. Она научилась ходить за големом, твердить громогласно единственную фразу, что речная галька впитать смогла «Обними меня!», камнями в черепушке гремя, бросалась в объятия, крушила и ломала всё вокруг себя, так как обходить и переступать препятствия не умела.

В общем, ещё до того, как праздники по завершению строительства города закончились, Маята городскую стену проломил. Споткнулась, грохнулась и растеклась вязкой глиняной кучей по улицам. Протрезвевших незадачливых гончаров глину вручную убирать заставили. Градоправитель так и сказал – без магии. Скребли маги мостовую и сожалели, что наспех, пьяные подругу голему лепили. С тех пор говорят: «Создадите Маяту, станет жить не вмоготу». Один голем не сожалел. Работать он любил, таскал собранную глину назад в карьер и улыбался друзьям. Маята с камнями в голове даже ему в жены не подходила».

Вот какой глупой после всех экспериментов я себя считала, с речной галькой в голове вместо мозгов.

Решила пока печь топиться, заняться одеждой, её выбор

был не сложным. Достала уже обрезанные по длине моих ног пару штанов, потом подогнала по себе рубахи. Нашла плащ из тонкой, плотной ткани, повесила на крючок у двери и поняла, что мне страшно выходить из дома. Но без этого даже не помыться.

Поведение зингворма подтверждало мою уверенность, что непреодолимая жажда, навязанная ему магией Виэ-Ратти, просыпалась сильнее день ото дня. Один из артефактов продолжал перекрывать зов водоёма, но ослабел настолько, что дракон начинал всё чаще неосознанно смотреть в сторону пруда. Нужно пойти к пруду, найти и пополнить артефакт энергией, не ждать пока какой-нибудь монстр забредёт сюда в поисках жертвы или мой дракоша не выдержит и зайдёт в воду. Я собиралась заменить накопитель в том артефакте, что у водоёма, и поискать ещё один, такой же Распугиватель Монстров, чтобы расширить радиус безопасности вокруг кордона.

Но в случае с драконом, замена накопителя – не выход. Недавно возникшее, зубастое «НО» конвульсивно зашевелилось на кровати у меня в ногах, убегая от кого-то во сне. Когда сила Пугалок полностью иссякнет, а это произойдёт скорее рано, чем поздно, этого непоседу затянет водоём-убийца. Не известно, как эта ядовитая жидкость поведёт себя весной.

Дракоша не был изгоем. Ну, кого мог убить этот милый зубастик? Колонию кроликов? Насколько я помнила, за кроликов в изгнание не отправляли. Скорее всего, этот пронюра

попал в Магическую Пустошь так же, как проник на кордон. Просочился незаметно. Я наградила спящего дракона заклинанием лимбического сияния, продемонстрированного ректором Тансали на первом нашем занятии, и начала изучать коварство водоёма-убийцы.

Дракона спасти – это не руны починить. Тут не метамагия, тут научный подход нужен. Первый день подготовки по спасению дракоши был наполнен составлением формул на основе гоблинского ключа и противодействия принуждению ремандры, срочными делами и переживаниями о неминуемых опасностях, которые ожидают нас в будущем. Ночь тоже была беспокойной, в печи гулял ветер, мне не спалось. Не тратя время на бесполезные попытки заснуть, я ещё раз проверила логичность жестов составленной днём формулы и только ближе к рассвету забылась коротким, тревожным сном.

Не могу с уверенностью утверждать, что сыграло роковую роль в разрушении магической связи кордона и Виэ-Ратти, а затем и защитного полога вследствие потери энергетической подпитки. Отсутствие практического опыта в использовании подобного рода заклинаний, туман в голове и малозадачность в расчетах, сверстанных неумёхой, или переутомление, накопленное в течение беспокойных дней и ночей.

Плетение выполняла поэтапно, каждую лексему проверяла лимбическим свечением. Выплетая формулу ключа, добавила разрушающий элемент и направила на магическую

связь дракона и озера. Разрушение запустилось в пяти локтях от дракона. Я ответственно проследила его путь, вооруженная уже готовым, обычным гоблинским ключом на случай, если разрушение достигнет существа. Но оно послушно закончилось, едва коснувшись его носа. Чтобы убедиться в отсутствии связи, я запустила магический поиск, не подозревая, что в это самое время моя формула, устремившаяся сразу в двух направлениях, уже достигла озера, обнаружила ещё несколько связей, рассредоточилась, освободила все пленённые озером жертвы, и питаемый им кордон заодно.

Меня охватила паника, мысли разбежались, как испуганные зайцы. Я долго бегала вокруг обезмагиченного кордона, охала, размахивала руками, пока не поймала одну мысль. Мысль о своей уникальности. Достала из кармана пригоршню кристаллов, призвала метамагию и, с сильным желанием вернуть разрушенную связь, принялась воспроизводить жгут силы, каким смогла его вспомнить. Спустя пару часов моих бесполезных попыток, пробегающая мимо менямышь, деловито осмотрела территорию, выбрала щель между бревёшками для печек и домом, и присела, чтобы умыться перед заселением. Зря она это...

Разжала руку, увеличивая горку пустых кристаллов, пересчитала. Я истратила шесть накопителей, которых не хватило даже на подпитку заклинания с кошачьим запахом. Виэ-Ратти больше не поддерживал защитный полог кордона, и магия быстро рассеивалась. Из другого кармана вытащила

ещё пригоршню камней, отсчитала десяток. Зажала в руке, чтобы они как можно плотнее соприкасались с кожей, и вытянула жгут силы длинной в три локтя.

Этот водоём с кордоном соединял Даромир, ну, или кентавр. Не думаю, что существуют кристаллы такой силы, чтобы с их помощью протянуть магический жгут от пруда до самого кордона. Это больше сотни локтей.

Устанавливая зарядник у самой кромки мутной воды, истратила ещё пять полных накопителей и соединила его с Виэ-Ратти. Вставила в него пустой камень, оставила черный конус устройства сиротливо возвышаться над жухлой травой, а себе пообещала, что впредь, буду осторожней. Уж точно буду осторожней мыши. Буду смотреть по сторонам и мыться только в полной безопасности. Дракон свободный от влияния озера был голоден вдвойне. Он радовался не только свободе, но и грызунам, бегущим к дому. Мышку было жаль, но останавливать дракона не стала. Закон природы не нарушен. Грызуны прибегали сами, их не одурманивали магией, их не обманывали.

Кордон перестал быть убежищем, не было и речи о том, чтобы здесь оставаться, тем более мыться. Очень быстро он превратиться в западню. Уходить нужно было срочно, не откладывая.

Пока вслед за мышками не прибежали твари позубастее, я начала сборы. Возможность здесь дожидаться Даромира почила вместе с куполом. Каждого из своих питомцев, зара-

нее обезопасила от холода магическими поясами, в походе они пригодятся уже скоро. К новым артефактам взяла по три накопителя про запас. Патрульные имели много магических приборов с накопителями. Мне повезло, что ещё до разрушения связи с водоёмом, я заполнила энергией все обнаруженные мной накопительные кристаллы. Конечно, больше трети были истрачены на попытки спасти кордон, но что поделать! Пересчитала оставшиеся. Двадцать девять. Если тот алмаз, что стоит у озера сейчас успеет зарядиться, камней будет тридцать. Не хочется признаваться, но я истратила пять камней, чтобы его зарядить. Пять камней – на один! Глупость на глупости. Хотя, возможно, за время подготовки к путешествию, успеет зарядиться не один кристалл, а несколько. Борясь с угрызениями совести и надеясь, что патрульные не будут на меня сильно злиться, решила, что прихватчу с собой и сам зарядник.

О том, как мужчины удивятся, когда вместо букетов обнаружат на крыльце кучу переродков, старалась не думать вовсе. Я не сомневалась в одном – свобода дракона стоила сохранности кордона, пусть даже и совсем недавно гоблинами построенного. Мой дракоша – должен жить! А дом? Вернуться патрульные, восстановят этот или построят новый.

Сняла с крючка плащ, положила в мешок из-под муки, съеденной зубастиком, туда же запихнула огромное одеяние из шкуры животного. Возможно, это и есть шуба, принадлежавшая кому-то из магов. Ходить в меховом изделии такого

размера было невозможно, но я надеялась в ней ночевать. Чтобы примерить, растянулась поверх её правой части на полу. С коротким боем рядом со мной уместились радощет и пронырливый дракон. Левая половина оставалась, чтобы накрыться сверху.

Выбор обуви был и того скромнее. Мои уже расползавшиеся по ниткам, шелковые туфли пришли в полную негодность. За то имелись оставленные у порога две пары сапог, из которых можно смело взять один и без труда вместить туда обе ноги для полного комплекта к спальной шубе. Но мне-то нужно было в чем-то ходить. Первую пару я уменьшила неудачно. Нет, подобной магией я тоже не владела, для меня наряды во дворце подгоняли мастерицы. И вещи приносили стерильными в магическом плане, потому что непрофессионально оставлять магические следы. Уменьшала сапоги заострённым с двух сторон Т-образным орудием, взятым по рекомендации дракона, протестовавшего громким «Фи-фи-фи!» при виде, как я грызу подошву кухонным ножом.

Орудие показалось достаточно острым, чтобы, как продемонстрировал дракоша на пне, с размаху отсечь у сапога каблук. С правым сапогом справилась успешно. В оставшуюся без каблука часть сапога запихнула ногу, примерила и осталась довольна, кожа сверху почти не пострадала. Простота изготовления вселяла надежду, что с его парой справлюсь ещё легче. Но не тут-то было. Левый обрубился гораздо ближе к носку, примерно посередине подошвы. При примерке

моя пятка сиротливо выглянула из его обрубленной стороны. Пришлось пойти за следующим и оставить кордон с одним сапогом вместо четырёх.

С последним левым мне повезло больше, обрубок получился таким как нужно, немного даже с запасом для пяточных манёвров. Лёгким движением руки ничего бы не получилось, потому что работа мышц для меня была таким же открытием, как и волшебство без магических полей. Чтобы превратить сапоги в ботинки ушло пол ночи. Распилив ножом кожу с пятки и вверх у правого сапога, я отдышалась, походила туда-сюда между столами, отдохнула и принялась за левый. В итоге получились почти одинаковые башмаки. Их квадратные пятки я оставила торчать, а свои завернула в оставшуюся не у дел кожу истерзанного верха сапог, завернутую вокруг наги и закреплённую на ступне при помощи незаменимых в хозяйстве лоскутков из простыни. Ходить в этих изделиях можно было, только, если не долго, и не зимой.

Ситуацию должны были спасти согревающие артефакты на ногах. Но много ли они помогут в дождь, который не хотел прекращаться? Выступающий квадрат каблука не был пришит к пятке сапога, что при ходьбе станет особенно ощутимым. Скоро я отправлюсь в длительное путешествие, с такой вентиляцией можно было ожидать не только катастрофически грязные ноги, но и обморожения. Глядя на бесславно почившую обувь, мы с подельщиком, не сговариваясь,

враз недовольно фыркнули, стыдливо, спрятали следы нашего творчества в мешок с мусором и, забрав качавшуюся на открытой дверце гардероба Ви, и пошли готовиться ко сну.

После того как я распутала магию Виэ-Ратти, дракон стал смотреть на меня так, словно каждый раз предлагал распорядиться его спасённой жизнью. Два кольца противодействующих Пугалкам поделила так: одно взяла себе, второе попробовала прикрепить верёвочкой на шее дракоши. Возражая, он мотнул головой, взял кольцо короткими пальчиками и сунул под себя.

Я удивилась. Зигворм оказался сумчатым, считавшимся давно вымершим реликтом. Да он... редкость неопиcуемая! В энциклопедии на вуиверском пять слов только в названии подсемейства, а мне пришлось назвать его просто – Зи, иначе Ви обижалась и дёргала меня за штаны, требуя себе новое имя. Выдумывать всем имена у меня времени не было. С радоцветом я обещала не расставаться, так что у нас с ней одно кольцо на двоих.

Находчивость дракоши проявилась вновь, после того, как я разрешила ему прикончить все запасы холодильного сундука и шкафов, а недоеденный сахар он вознамерился тащить с собой на манер моего рюкзака. Очень долго Зи примерялся к многофункциональным завязкам из простыней (последние, стыдно сказать, за время моего хозяйствования на кордоне уже заканчивались). Я объяснила, что через мешковину дождь быстро размочит сахар, а плащ сверху сделает и

без того непосильную для него ношу неподъёмной. Тогда Зи попросился за дверь. Открывать её каждый раз мне казалось всё более опасной затеей. Пока я раздумывала, стоит ли выпускать из дома дракошу, он беспокойно нарезал зигзаги по дому, то и дело подбегая к двери. Может быть прихватило живот?

Сняла с дома драконий щит и приоткрыла дверь. Дракон прошмыгнул и скрылся за хозяйственными постройками, где хранились малознакомые мне орудия, из которых при осмотре мой опыт закончился на узнавании лопат и метел. Что было за ними, я не знала вовсе, а дракон знал. Он вернулся быстро и знакомо поскрёбся в дверь. Опять её приоткрыла и распахнула во всю ширь, сначала глаза от удивления, а потом и дверь. Дракон затащил на крыльцо тележку или тачку (не знаю, как правильней назвать) и оставлять её за дверью не собирался. Сахар был погружен в деревянную основательную конструкцию, точнее, в плоское корытце с невысокими бортиками, двумя колесами и ручками для управляемого качения. Я оценила находку, как только попробовала откатить ту с середины комнаты в сторонку. Тачка имела бесшумный, лёгкий ход. Не иначе гномья работа с применением магии. Точно! Камень накопитель помещался в выемку на переднем бортике тачки. Два мешка, спальная шуба, сверху плащ заполнили её с горкой, а верёвки из простыни послужили для укрепления вороха вещей, чтобы ничего не упало при быстром качении по неровному бездоро-

жью.

Дракон честно старался избегать стычек с радоцветом, что было не просто. Оба любили прижаться ко мне при любом удобном случае и не отходили ни на шаг. Ви не переносила, если Зи начинал ластился. Пару раз моя вредина прихватывала его за ноздри сяжками, тогда он лишь сдержанно рыкал, давая мне знать, что его обижают. Я подумала, что лучше будет не приучать к нежностям одного, чем постоянно ловить другую, нарывающуюся на неприятности. Делать внушение радоцвету и ругаться с ней не переставало быть бесполезным. С непробиваемым видом «я её первая нашла» моя Ви шла в веткопашную всякий раз, когда Зи оказывался поблизости.

Но как не благодарить зингворма за его старание помочь, придержать, подать, вкупе со взглядом, вопрошающим «А всё ли так я делаю?», проникающим в самую суть моей равнодушной натуры? Конечно, я не смогла сдержаться и опять похвалила Зи за тачку, но сразу перевела взгляд на Ви, вслух отметив, какая она сияющая, и как я её люблю.

И вот утро прощания с кордоном настало. Нас грызли сожаления, даже мой недалёкий разум оставлял в светлых надеждах на благополучный исход путешествия дыры сомнений.

Гелиос уже показался над лесом, но его свет казался слабым, в бессильной попытке выровнять лучи. Водная гладь пруда притягивала их, напоминая чёрную воронку поглоща-

ющую световую энергию. Картина борьбы небесного светила и переродка завораживала неестественным контрастом светлого и тёмного. Пруд выглядел черным сгустком проклятья на теле природы, затягивающим потоки силы. Его чернота собирала даже отражённые росой блики и продолжала впитывать каждую частичку света, пока Гелиос поднимаясь выше не ослепил Виэ-Ратти своей полной мощностью, обжигая, заставляя прекратить захват и отступить к дневному белёсому состоянию жидкости. Тайна похищенных закатов и рассветов была открыта. Тури – материк перерождённых тварей, их много, и они способны питаться всем, что находится рядом с ними.

Более не пытаясь воссоздать связь кордона с Виэ-Ратти, обошла разорённые владения с тайной мыслью, что связь, после кормёжки пруда, сама наладилась, но чуда не случилось. Вие-Ратти добровольно магией делиться не пожелал, а ночной дождь размыл последние следы былой защиты. Даже восстановленный мной вчера Страх грызунов. Сама не своя после увиденного и раздосадованная ограниченными запасами энергии, забрала с берега Зарядник и последний раз зашла в дом. Тяжело вздохнула, убирая в мешок кашеварку и кастрюлю нагревающую воду. Чайник брать не стала, сойдёт более функциональная кастрюля. Три волшебные бутылки и булку хлеба упаковала с особой тщательностью, и уложила в рюкзак. Они казались спасением и единственной стабильной гарантией выживания.

Одну найденную Пугалку забрала с собой. Хотела взять две, но купол над кордоном, почивший по моей вине, вернуть не удалось. Порядочность потребовала оставить для спасения имущества хотя бы этот артефакт. Поэтому не стала жадничать, оставила Пугалку у порога и поменяла в ней пустой накопитель на полный.

Я рассчитывала покрыть расстояние до второго кордона за три седмицы с небольшим. Рассчитывать тоже можно по-разному: одни рассчитывают время, разделив расстояние на скорость хода; другие измеряют на карте пройденный путь линейкой, определяют, сколько прошли за день с учётом масштаба и понимают, когда окажутся на месте. Я же померила расстояние от полуострова, где распрощалась с Фалентиром до первого кордона тем, что было. На бумаге день пути занимал два ногтя моего мизинца. И вышла, обутая в перевязанные тряпочками башмаки, рассчитывая с помощью кривой линии на карте длиной в сорок ногтей, прочерченной угольком из печки, огибающей светло коричневые овалы-холмы, не сбиться с северо-западного направления.

В крайнем случае, могла попробовать использовать собственную Путеводную Нить, чтобы вернуться, но не хотелось бы этого делать, потому что активация, наверное, будет энергетически затратной и держаться голыми руками за нить спустя двадцать дней даже мысленно станет холодно. На всякий случай решила всё же её опробовать. Пока не ушла далеко, энергии израсходуется немного. Я научилась эффективней

использовать накопители, как внешний источник для активации метамагических посылов, приглушая эмоции, посылая повеление, а не яркое желание. Воспроизвела заклинание, как запомнила, направила на маяк, найденный на кордоне. Вторым креплением нити сделала камень-накопитель зажатый в руке, и нить послушно соединила меня с маяком на расстоянии в двести локтей. Поспешно разорвала связь, пока энергия камня не израсходовалась. Оказалось, что маяк имел сложную, автономную систему подпитки и брал на себя основную нагрузку. Значит, расстояние для него не будет иметь большого значения, а камня, зажатого в руке хватит для активации Нити со второго её конца.

А что если попробовать активировать маяк на другом кордоне? Он ведь должен там быть?

В руке всё ещё оставался кристалл, я вновь произнесла три слова, услышанных от Фалентира, сплела пальцы в жесте активации и отправила посыл на северо-запад. Нить возникла, такая тонкая и едва заметная, что казалось, она вот-вот истает. Сделала шаг, другой, направление продолжало ощущаться в руке и, вдохновлённая успехом, я побежала вперёд.

В первый день шла до глубокой ночи. Уверенно шагала без усталости, окрылённая задумкой не бросать Нить, а попробовать проспать с ней в руке до рассвета. Энергия камня тратилась, только при активации. Ничего не вышло, утром рука, которую я замотала вместе с кристаллом и нитью лоскутом ткани, держала пустой кристалл. Взяла новый накопи-

тель и нить послушно возникла, показывая направление на северо-запад. Она позволяла петлять между холмами, не натягивалась и не тянула вверх, когда холмы преграждали нам путь, вынуждая изменить направление. Умная Нить пролегла по ложине, находя самый удобный вариант для перехода между камнями.

Первую седмицу мы брели сквозь непролазные дебри на север, и дорога в этом направлении быстро оправдала своё холодное название. Точнее от дороги была черная линия на карте и эфемерная нить в руке, а в действительности мы перебиралась по высокой траве сквозь заросли кустарников и промозглый туман, под студёным ливнем и пронизывающим ветром, когда не спасали даже придуманные мной согревающие артефакты.

Ночами мы втроём ютились под драконьими щитами и не заговорённой от дождя шубой, прикрытой сверху плащом. Выбирали места повыше, и старались быть максимально осторожными.

Благодаря дракону я научилась отпугивать огромных, пушистых зверей. Возможно, это были не звери, а родственники каких-то лягушек, только очень изменившиеся. О животных, которые с плюхающими звуками и брызгами грязи, скачут по раскисшей земле на задних лапах, в учебниках зоологии не упоминалось вовсе.

Если бы у нас была шуба из шерсти такой бурой лягушки, мы бы не стучали зубами по ночам, шерсть была густая и

длинная и не намокала ни от дождя, ни от грязи. Когда широкие пасти, расположенные одна под другой на морде, груди и брюхе, открылись в локте от моей головы, я узнала, что острые зубы, выросшие из серой челюсти, у трёхротовой лягушкы ещё и подвижны. Устроены так, чтобы могли продвинуть моё, к примеру, сравнительно небольшое тельце из пасти твари в глотку, если я не сразу пролезу. Хотя в такую глотку прошла бы со свистом вместе с деревцем и тележкой. Спасибо дракоше, молниеносно среагировавшему на опасность и опалившему красным, драконьим пламенем кустистые брови, махровые щёки и грудь существа, у которого не было ни подбородка, ни шеи, а только сплошные рты. Ещё двое таких же ротастых монстров остановились и нападать передумали. Оценили со всем вниманием угрозу, потом масштабы проплешины неосторожного собрата рассмотрели и, пораскинув серым веществом, как оказалось, имеющимся в их огромных черепушках, отстали. А мы поспешили скрыться прочь от пушистых чудищ, проводивших нас предупреждающим о неминуемой, новой встрече шипением и голодными взглядами.

Зи сиял от гордости, я его хвалила до самого вечера, а Ви сияла моей радостью. Выживание при встрече с представителями местной фауны, которые в три глотки путников съесть пытаются, как оказалось очень радость стимулирует. Пришлось даже лишнюю энергию с листьев в колечко скручивать и в резерв прятать.

Мелкие фури, после встречи с первыми переродками стали казаться безобидными. При виде горбатого, двуногого, зелёного кустика, странствующего с запряженным в телегу змеем, они поступали также как сам кустик, то есть мы трое с рюкзаком – убегали прочь, волоча тележку за собой. Более крупные монстрики вели себя посмелей. Брели за нами, изучали, но подобраться ближе не могли. В отличие от перерождённых в Пустоши лягушищ, на них действовал отпугивающий артефакт.

Каждая новая ночь становилась холоднее предыдущей, и скоро наступила та, по завершении которой я проснулась, не чувствуя ног. Сразу подумала, что получила обморожение. После чего оставалось плакать и ждать ещё более жуткой боли, когда ступни почернеют и начнут отмирать. К счастью, боль была не долгой, и уже через полчаса с невысохшими следами слёз принялась убеждать Ви, что ноги в этот раз мне можно оставить. Вооружённая ножом, она настаивала, что с ногами нужно поступать так же, как с её почерневшими листиками. Когда же следующим вечером при выдохе стали заметны облачка пара, даже она приуныла, понимая, что новое утро будет ещё холоднее.

Туловище Зи, почти касаясь земли, вытянулось в струнку, что означало – он почувствовал опасность и теперь прислушивается. Я затаилась в редкой листве пожелтевшего кустарника. Впереди мелькнул огонёк, за ним ещё и ещё. Волшебные светляки загорались и оставались статичными, словно

зафиксированные прочной нитью силы. Замёрзшие, стёртые ноги понесли меня к ним навстречу раньше, чем я успела подумать об опасности.

«Там статичная магия – там тепло» – думала я, уступившая требованиям озябшего тела. Подалась на их манящий свет, и меня было не переубедить. Они словно болотные шнырки, завораживали, обещая согреть скучавшую по теплу путницу.

Из-за горного хребта мы отклонились севернее от прочерченного углем маршрута и теперь могли только догадываться, в каком месте на карте нужно было размещать точку нашего нахождения. Севернее кордона находился город людей, ИППИ на карте лепились южнее в горах.

– Пожалуйста, Урда, пусть это будут люди, – шептала молитву, осторожно подкрадываясь ближе, уже поддавшись собственным убеждениям о высоком человеческом интеллекте. Магов я боялась больше, чем переродков. Но люди, они должны быть добрее других, иначе Даромир не стал бы их опекать. Есть же такое известное всем определение, как человечность. Понятие, отличающее человека от зверя. Надеюсь, что и от местных магов люди отличаются этим качеством.

За огнями высились стены города с зелёными полями по окружности стены. Сердце подпрыгнуло от ликования. Только люди распахивали часть земель за пределами города под рискованное земледелие. Моё желание исполнилось, я на-

брела на поселение, где можно было бы договориться, переночевать или хотя бы выменять обувь за какую-нибудь услугу. В конце концов – они просто нон-фейри, что они могут противопоставить метамагу? Фалентир говорил об их хитрости, но нас в Элинии тоже не дурнями растили. В последнем даже такой слабой уверенности, как в человечности людей, не возникало. Реальность показывала полное отсутствие у меня навыков необходимых для выживания среди хитрецов.

Поле было ровным, вспаханным мастером огородных дел, ряды ягод без единой сорной травинки. До места, где мы расположились, долетали обрывки фраз на незнакомом языке. Но понять, что находившиеся на нём люди обеспокоены потерей урожая от первых заморозков, можно было, даже не понимая смысла слов. Восемь фигур в одинаковых костюмах рассредоточились парами вдоль рядов, растягивали серые нити, сплетая их в одну крупную сеть. Ещё двое ходили вдоль стены, манипулируя чем-то, не магией, скорее всего инструментами, настраивая насыщенность светящихся тепловой энергией огоньков.

Земледелие было моей любимой темой практических занятий с братом, и мои умения могли бы здесь пригодиться, так как я могла бы спасти ягоду от ночного заморозка. Если потратить силу пары накопителей и часть драконьего огня у меня получится согреть тонкий слой воздуха над полем и сохранить урожай до наступления дня, а днём будет теплее, тогда люди успеют собрать ягоду. Взамен, я попрошу у них

обувь. Люди не выглядели монстрами, это мирные хлеборобы, работающие в поле. Я помогу им – они помогут мне.

Дракон был против, но я уже приняла решение. Ему оставалось или неохотно двигаться следом или оставить упрямую подругу, а самому бежать, прятаться. У границы с полем он схватил меня за руку и ещё раз попытался удержать, не впуская в освещённый огнями периметр. Я стряхнула со своей руки его лапы и вышла из-за кустов.

Оглушительно громко завывало невидимое нечто, десяток ярких иллюминатов направили свой свет прямо на меня, люди, ещё недавно заботливо укрывавшие ягоду, побросали сети, ринулись прочь от меня, но почти сразу замерли, стоя на месте, а затем, один за другим стали проваливаться под землю. Я побежала к ближайшему из них с просьбой выслушать меня, но успела заметить только наглухо закрывшийся над ним люк, тут же замаскировавшийся под ягодный куст.

Звук, оповестивший людей о моём появлении, смолк в момент, когда неподалёку от меня разверзлась земля. Из большущей, прямоугольной дыры выползла огромная, рычащая многоножка. Если вспомнить содержание известной в Элинии энциклопедии животных, локомоции многоножек выглядят иначе, фаза опоры ног обычно чередуется с их передвижением вперёд. Но это членистоногое, непонятным образом передвигавшееся, помчалось ко мне со скоростью дикого кентавра, оставляя за собой три параллельных, грязевых следа от сотни лап, подминая под себя зелёные кустики

со зрелыми ягодами.

Вместо стратегии побега мои мысли заняли вычисления возможных предков наблюдаемого переродка. Отскочив с пути мчавшейся на меня безголовой твари, с уплощённым по бокам, продолговатым панцирем и большими чёрными глазами по всему периметру тела, я закончила анализ тем, что этот переродок несопоставим ни с одним видом изученных мной не магических животных и даже фури. Возникло предположение, что красный огонь драконьего пламени для этой безволосой особи был бы, что троллю затрещина (приятно и чуть щекотно).

Сбавив скорость, уродец выпустил людей, откинув на ходу... что? Глаз? Точнее это так выглядело до тех пор, пока я не догадалась, что это подобие волшебной кареты, а глаз – зачернённое, круглое стекло на двери. За первыми тремя воинами, вставшими в угрожающие позы и выставившими в мою сторону руки, выскочило ещё несколько человек. Стоит уточнить – не просто руки, люди были вооружены металлическими треугольниками. Пересчитать последних треугольничконосцев не успела. Ви сделала то единственное, на что древесного ума хватало – закрыла моё лицо от грозящего нам уничтожения ветками. Мне тоже ничего другого в голову не приходило, как накинуть иллюзию и переместиться в сторону. Мимо пролетели первые заклинания. И кто сказал, что люди магией не владеют?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.